

БІБЛІОТЕКА
НАУКОВОГО ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКА.

Ч. 20048

20048

В. Винниченко.

СЫЛА и КРАСА.

ОПОВИДАННЯ.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

К І Е В Ъ

Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.

1902.

9749

20048

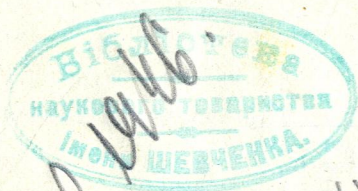
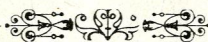
В. Винниченко.

СЫЛА и КРАСА.

ОПОВИДАННЯ.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

К І Е В Ъ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владимира
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.

1902.

Іа.

авт. Сатиско Л. укр. 1906.
М. М. 2/5 1907.

Ш 5/2-49/5-644

Дозволено цензурою. Київ, 23 августа 1902 года.

СЫЛА И КРАСА.

I.

Тыхо-тыхо въ Сонгороди. Тыхо въ ёму, якъ и дощыкъ сиче день и ничъ, якъ и снигъ трищыть пидъ ногою, тыхо й тоди, якъ соловейко заливается писнею-коханнямъ по садахъ, по гаяхъ, по зеленыхъ дибровахъ. А надто тыхо въ литній, рабочий день. Тыхо на улыцяхъ зъ плетеными тынамы, тыхо на головній вулицы зъ неодминною полицею, управою и будынкомъ про арештантивъ, тыхо коло крамныцъ на базари,—скризь тыхо. Выйдешъ на головну вулицю, що гинъ на трое тягнется зъ одного кинця мста до другого, подывышся праворучъ—тыхо, пусто и никого нема; глянешъ ливоручъ—тынъ, дреза и никого нема; куды не глянешъ—тыхо, пусто, тилькы витеръ тыхенько шелестыть та грается лыстамъ. Де-колы пройде закутанный въ сирый балахонт урядныкъ зъ лошямъ позаду, зжене горобцивъ, що купалыся въ мяякому, горячому пѳроси на шляху, проплентается жыдь на биди. пробижыть який-небудъ Сирко зъ репьяхамы въ хвосты, скакаючы на трѳхъ ногахъ и ховаючы голову по затинкахъ, выткне голову зъ рову свыня, важко зитхне, хрюкне и зновъ заховается; и знову все стыхне, знову засне, тилькы наляканы горобцы позлитають зъ тынивъ на горячий порошокъ та витрець тыхенько шепочется зъ лыстамы.

Край міста на горі, на самому вигоні, стоить маленька, старенька хатинка. Біля неї на подвір'ї все пошарпане, поруїноване,—клуня обидрана, хливець безъ покривли похылвся, тынь ледве держиться і сама вона тежъ похыллася, покрывлася, облупилася і якосъ сумно дивиться маленькими виконцями на городъ. Спитаєте кого хочете въ Сонгороді, чья то хата, і кожний вамъ скаже, що то—хата Ілька Чубатого, хочъ і молодого, але першого злодія на цилій Сонгородъ,—злодія, котрого самъ батько одцурався, а добрі люди десятою вулицею обминають, зъ котримъ мають діло тільки ёго прятелі, такі жъ якъ і вінъ злодіи: Андрій Голубъ, Марко Чумарченко, дочка Марка, Мотря, де-кильки голодрабівъ і весь той людъ, що не має въ душі Бога й не боїтся ні тучи, ні грому. Кожний вамъ скаже, що Ілько вже сидівъ въ губернії въ тюрмі, що мало, якъ два рази на тиждень сидить вінъ на етапі, що сходъ збирається ёго вислати «на поселення», та Ілько на се не вважає: у ночі грабує—палить, а въ день або спить, або гуляє.

Сонце стоить на півдні. Тихо на вулиці. Далеко видніється циле місто таке невеличке, що скоріще бъ можна назвати ёго великимъ селомъ. Широко розляглося воно солом'яними покривлями, зеленими садками, далекими лугами. Тільки по середині вється стежка зъ залізнихъ покривъ—то крамниці та казенні будинки.

Схылвся Ілько на тынь і замеръ,—ні думокъ, ні бажань, навіть дихання не почувавъ вінъ въ собі, тільки чувъ, якъ сонце грило-пекло въ спину, якъ розливало якісь лінощі по тили і байдужість до всього. Байдуже дивився вінъ, якъ піднявся вихоръ, закрутивъ соломою, розигнавъ горобцівъ, попхнувъ до тыну якусь курку, що розипяла хвоста, мовъ віяло; байдуже слухавъ, якъ хтось десь за горідомъ гукавъ: «Явдо-о-о-хо!.. Явдох-о-о-б!...» Тільки якъ сонце сховалося за хмару й на вулиці потемнішало, подивився, зитхнувъ і пішовъ до хати. Пройшла жъ хмара, виглянуло сонце—Ілько розлигся на широкий прызби і зновъ почувъ ёго на собі, зновъ почувъ лінощі й байдужість.

— Драстуй, Ильку!—вмыть почувъ винъ коло себе. Илько здригнувсь, росплющывъ очи й пидвився.

— Тю! злякала,—промовывъ винъ, зновъ лягаючи й закладаючи руки за голову.—Мотря... думавъ, хто такый... Драстуй!

— Не пизнавъ?—пидхопыла Мотря, яось нервово й швидко зрываючи зъ головы хустку и прыглажуючы тремтячою рукою чорне, якъ сажа, волосся, що высмыкувалось на вси боки.—Давно бачылысь! якъ въ гороси, такъ и доси!

— Ажъ здригнувся—позихаючи, промовывъ Илько.

— Такъ злякала? Ха-ха-ха! Хиба й злодіи уміють лякатися? Отъ-то!

Илько здивовано подывився на неи.

— Чого дывыпся? Не пизнавъ, може, ще й доси? Я—Мотря! Мотря, Мотря! Твоя полюбовныця... ха-ха-ха! Чудно, правда?... Ну й душно!... Та чого дывыпся? Не бачивъ? Може поцилуешъ? Ха-ха-ха! А Андрій за це мене ще буде быть.. Винъ мене тилькы що зновъ бывъ.. Дывы, о... сынякъ вже набигъ... А ты поцилуй! Ты жъ тежъ полюбовныкъ, ха-ха-ха! Одынъ бье, а другый цилуе. Ось винъ заразъ прыйде сюды, а я на злисть ёму прыбигла до тебе... Ты, може, думаешъ, що я тебѣ люблю? Пхи! Я ёго люблю, а тебе ни!..

— Слухай,—пидвивипсь, поважно промовывъ Илько,—ты, їй-Богу, здурила.

— Ха-ха-ха-ха!!

— Може выпыла?

— А вже-жъ выпыла! а то жъ якъ! Полюбовныкы пьють, а полюбовныци то й не можна?! Ха-ха-ха! Дурный ты!.. Ну, й душно! Чы й тобі душно?... Та! я й забула, що ты, якъ кавунъ, на сонци...

Мотря махнула на себе хусткою, сила на прызби и задумалась. Илько, пыльно слидкуючы за нею, проты воли задывився на красу їй, що теперъ ще яось выразнице выявлялась на си-рому тли стины.—на ту красу, що не бье въ вичи, що на першый поглядъ ледве прымитна, а тилькы въ неи вдывывшыся, можна впыться й очамы, й серцемъ, всею истотою. То була краса.

що выкохується тилькы на Украини, але не така, якъ малюють де-якы зъ нашихъ пысьменныкивъ. Не було у неї ни «губокъ, якъ пупьянокъ, червонихъ, якъ добре намысто», ни «пидбориддя, якъ горिशокъ», ни «щокъ, якъ повная рожа», и сама вона не «вылыскувалась, якъ макивка на городи». Чорна, безъ блиску, товста коса; невысокій, трохи выпнутый лобъ; нисъ тонкій, ривный, зъ живыми низдрамы; свижи, наче дытячи губы, що якось мыло загынались на кинцяхъ; легка смага на матовыхъ, наче мраморовыхъ щокахъ и вельки, надзвычайно вельки. зъ довгымы вѣями, темно-сири очи, зъ котрыхъ, здавалось, дывлячысь, наче лывся якийсь тихый, мякый, ласкавый свить,—то була й уся краса щей дивчыны.

— Та-а-къ...—протягнувъ Илько, не зводячы зъ неї очей и прислухаючысь, якъ у грудяхъ у ёго щось то захолоне, то зомліе зъ одного погляду въ її очи, въ той глыбокий, чарующый поглядъ.

— Га?—мовъ прокынулась Мотря.—Шо ты кажешъ?

— Ничого... Чого ты така? Та й гарна жъ, ій-Богу!—перевбывъ себе Илько.

— Хиба гарна?—пидхопыла Мотря.—Дуже? Га? Ты бъ, правда, не вдарывъ-бы, пожаливъ? Ха-ха-ха! Та куды тобі! Ще бъ я тебе набыла, якъ бы схотила. Ты тилькы жывивъ и вмѣшъ быть. А здоровый!...

— А ну, дай, зацидю,—побачышъ, чы вмію!

— Ну-да «дай»! А крыкны на тебе—то й сховаешъ хвоста... Хиба ты посміешъ? Отъ Андрій... дывы... о!.. о!.. ось!—розстибнувши кохточку, не соромлячысь, наче поспишаючы куды, показала вона чотыри круглыхъ сынякы.—Це такъ ухопывъ рукою!

— Ого!—засміявся Илько,—а ну, пидожды..., та стій, я подивлюсь.

— Этъ! одченысь!—одихнула вона ёго руку й закрылась.

— Та за вищо жъ то?—роблено позихнувъ Илько,—може й ёму руку одыхала? За це стоить!

— Стоить?—пиднялась Мотря и трохи одкинулась высокымъ тонкымъ станомъ назадъ,—стоитъ, говорышь?

— Та чого жь? абы й видъ мене була у тебе дытына, то й я бывъ бы, якъ бы оддыхала. Не задавайся!

— Не задавайся?—дывлячысь пыльно на ёго, перепытала Мотря.

— А то жь! Звязалась и мовчы!

— Мовчы?

— А мовчы, бо й не те ще буде!

— Буде?

— Тю! та ты здурила!.. Та чого такъ дывышся на мене? Не бачыла?

Мотря всмихнулась, накиннула хустку на голову и, роздвляючысь на Илька, промовыла:

— Бачыла.. пхи! такого добра!... Дывлюсь на тебе, що ты такый дурный и... гарный. Ха-ха-ха!

— А хйба поганий? Гыдче й за Андрія бь то?

— За Андрія? О, ни, ни!.. Э якъ бы Андрій такый, якъ ты! Якъ бы Андрієви ци кучери, ци бровы, очи, однимъ словомъ, якъ бы винь бувъ твоеи красы! А все такы люблю Андрія. Не вирышь?... усмихаешься?

— Ни, чого жь, на здоровья...

— А ну васъ къ чорту! Ты, краще, знаешь що?—зразу зминыла вона тонь,—заховай мене де-небудь. Йй Богу! А то винь заразъ прыйде сюды и побачыть... Заховай, Ильку!..

— Та хай бачыть, хйба це первына, чы що, що ты у мене?—знехотя пидвився Илько.—Куды жь тебе заховать?—повивъ винь очыма навкругы,—нема де... Хйба въ хати?

— Ни, въ хати побачыть... Та й правда: хйба первына? Не треба!—махнула рукою Мотря и, щось надумавшы, побигла до ворить.—Ще нема!—вернувшысь, промовыла вона,—а буде, заразъ буде! О, то-сатана! хытра тварюка!... А що винь тоби говорить про мене?

— Ничого не говорить.

— Якъ «ничого»? Щось же та говорить?

— Ничого. Мовчить усе.

— О! потаенный, чортъ! Куды тобі!! Плохый ты проты ёго... Винъ заразъ прыйде. Все одно дознався бѣ, що я тутъ. Ну, та не хай бачыть! Дытину вбѣ? Хай убывае... Клопоть!.. Меньче морокы!...

— Та за вищо жѣ винъ сёгодня бывъ тебе?—позихнувъ Илько, зновъ сѣдаючи на прызбы.

— За що?—перепытала Мотря, пыльно дывлячыся на ёго.— Сказать?.. За те, що була у тебе вчора, за те, що задывляюся на тебе, за те, що цилую и ёго, и тебе! За те, що одъ ёго бижу до тебе!

Илько всмихнувся.

— Правда, гыдка я? Якъ сама послѣдня?.. Отъ-то! Нехай!..

— Та чого винъ зѣ тобою не одружытся?—поважно промовывъ Илько.

— Бо я не хочу!

— И до мене бѣ тоди не ходыла бѣ, и не бывъ бы. Чы ходыла бѣ? Га?

— Ну, то вже дулю зйивъ бы!—гордо блыснула очыма Мотря.—То вже чорта пухлого!

— Хиба?.. Хм..., а мени здається, що ходыла бѣ.

— Ну, то побачылы-бѣ!—кынула вона.

— А якъ бы Андрія пѣмалы й засадылы въ тюрьму?

— То до тебе, думаешъ, побигла-бѣ?... А хиба не бигаю? Ха—ха—ха! Слухай, ты заховай мене, ий-Богу,—винъ убѣе мене... Заховай, голубе, заховай! Винъ заразъ прыйде...—и, оглядаючи на навкругы, Мотря нервово потягнула Илька за руку зѣ прызбы.

— Та не вбѣ, одчепысь!... Заступлюсь.

— Хто? ты?—пустывши ёго руку, зареготала Мотря:—проты Андрія? Ой, Господы!

— То бѣ то не подужаю?—всмихаючи, потягся Илько и, выривнявши могутный, ровный, высокий станъ, глянувъ на себе зѣ горы.—Не подужаю? Я?

— Та... подужаешъ, та що зѣ того? Винъ тебе однимы сло-
вами... Та ни! ты й руки не смитынешъ пиднять на ёго. Винъ
тільки подывытся на тебе, то ты й присядешъ.

— Я?—зновъ задоволено всмихаючысь, повивъ Илько очыма видь чобить до грудей. - Я прысяду? Хиба буду пыжче видь ёго? А подывысь!

Илько провивъ рукою по темныхъ, шовковыхъ вусахъ, пиднявъ гарну свою голову, трохы прыщурывъ чорни, оксамитни очи, выставивъ впередь высоки, дужи груди и всмихнувся. Мотря знехотя подывылась. заразь же одверпулась и буркнула:

— Та тильки й того, що гарный та здоровый!

-- А мало хиба?

— Та...—и не договорила.

-- А мало хиба? Га?—нахыляючысь до неи и, стыха обнимаючи, прошепотивъ Илько.

— Одчепысь, побачать...—безсылю одпыхаючи, задывляючысь въ темни, глыбоки очи ёго, ледве вымовыла вона.

— Правда жъ, доволи? правда, не мало?—прыгортаючи и и щыльнище прытупляючысь, ледве чутно говорывъ винъ.

— Доволи?—скынула вона очыма на ёго—доволи? Ой, ни, ни!..

— А що жъ тобі?

— Що?... що?... А хто ёго зна... Ой, не тулы такъ—побачать.

— Який чортъ! теперь и собаки на улыци нема. А то ходимъ у хату... Га?

— Ни, ни, не треба. Такъ краще... Ты теперь такой хороший... Стій, я подывлюсь... Знаешъ, якъ я дывлюсь на тебе, мени якось робытся... якось... ну, якъ бы тобі сказать... весело. Прямо якось весело, якъ я дывлюсь на тебе!...

Илько мовчавъ и почувавъ, якъ молоде, гнучке ии тило тремтило пидъ ёго рукою, що лежала на стани, якъ тепло цёго тила переходыло на ёго; якъ зъ кожнымъ обіймомъ, зъ кожнымъ поглядомъ въ ии очи, що любовалы зъ ёго, сердце ёго все бильшь замирало и стучало до болю въ грудяхъ...

— Пидожды я тобі розправлю вуса... стій... отъ такъ... Ой, не тулы такъ,—и такъ душно. Ну тебе, я разъ-у-разъ тильки роспаскужуюсь коло тебе... Нема того, щобъ тыхо та любо по-

сидить... Онъ якый вже! Пусты! Хоть и гарный, а пусты... Чуешь?... Ну, щожъ мовчышь? Пусты!

И важко дыхаючи, розчервонившись, схопилась вона и стала коло Илька, котрый похмурився и дывивсь кудись на улыцю. «Чортова дивка,—подумалось ёму,—поки не дывишься на неи—лыпне; самъ почнешь лыпнуть—одлыпа».

— Та й чудни вы бабы!—усмихаючысь, вымовивъ винъ.

— Чого такъ?—трохы здывувавшись, спытала Мотря.

— Та того: поки зъ вами, якъ зъ собакою, поты й хороши. ставъ за панибрата—собакою зробышся...

— Хм... А ты женысь, то разъ-у-разъ хороши будуть,—тыхо кинула Мотря и вдумливо подывилась на ёго.

Илько ничего не видповивъ, тилькы подывився на неи й одвернувся.

— А справди, слухай, одружывся-бъ ты зо мною?—якось жваво запытала вона и заразъ же, поснишаючысь додала:—тилькы не думай, що я справди хочу,—я тилькы пытаю.

— Про всякий, значытся случай?—усмихнувся Илько.

— Та то... вже...

— Чы оженився-бъ я зъ тобою?—протягнувъ винъ и, пыльно удумавшись, подывився на неи. И за сымъ поглядомъ, видъ думкы самой про шлюбъ зъ нею, винъ почувъ, якъ чогось очи ии зробылись не такымы вже гарнымы, якъ груди, коса, станъ, губы, нисъ стали зразу такымы знаёмымы, самымы звычайнымы, якъ весь вилывъ красы ии кудись зныкъ и замисць ёго стала якась ніяковистъ и навить нудьга.

— Кто ёго зна...—ніяково всмихнувся винъ и, удаючи зъ себе веселого, додавъ:—А хто жъ тоди злодійствовать буде? Вже жъ треба тоди покинуть гульню?

— Такъ не оженився-бъ?

— Та на вищо тоби знать?

— Ну, я хочу!... Не оженився-бъ? Ну, говоры!

— Комедія! Ну..., не оженився-бъ... Та на вищо тоби входить замижъ? Хиба такъ погано?

— Я такъ, хотила тилькы довидатись,—сухо кинула Мотря и задумалась. Илько помовчавъ и тихо лигъ на прызьби.

— Тилькы ты не думай, що я набываюсь, або що!—стрепенувшысь засміялась Мотря.—Може, не вийшла-бъ за тебе, якъ бы ты й хотивъ.—Я такъ тилькы... Стій, стій,—перебыла вона себе и стала прислухатись. Улыцею, выдко, наблыжався хтось, спиваючы.

— Й-Богу, Андрій!—зблидла Мотря и нервово усмихнулась.—О! хытрый чортъ! наче винъ такъ соби... Ну, и я заспиваю... Нехай! Пхи!...

«Ой, не ходы, козаче, до мене,
Буде слава на тебе й на мене»...

взяла вона мнякымъ, груднымъ сопрано, и сумни згукы чуло рознеслись по кутку и обизвались мижъ высокымы вербамы городивъ. Чоловичый голосъ заразь же змовкъ и черезъ де-килька хвылынъ коло ворить показався середнёго зросту парубокъ рокивъ тридцяты, въ клитчатыхъ вузькихъ, на выпускъ, штаняхъ, въ такимъ же самимъ пиджаку, въ картузи, яки носять ляшкы-прыкащыкы по экономяхъ, и въ черевыкахъ на такихъ рыпахъ, що ихъ було чуть ще тоди, якъ самого хазяина ихъ ще й въ вици не выдаты.

— Я-жъ казала, що Андрій!—прошепотила Мотря и, наче не прымичаючы ёго, весело й швидко заговорила до Илька. котрый пидвися й закрываючы очи видъ сонця, ласкаво й прывитно всмихавсь до Андрія. А Андрій, знявши картуза, вытыравъ червоненькою хусткою билый-билый, высокый лобъ, обведённый сызою смугою видъ картуза, веснянкувате, зъ шырокымы вылыцямы, лыце зъ червонымы плямамы тамъ, де у инчихъ буває смага; протыравъ видъ пороху маленьки, сиреньки, зъ билимы вѣямы, очи, яки бувають у молодыхъ, билыхъ поросятъ; протыравъ руди, коротки, кудлати вуса,—и роблячы се все повагомъ, не поспишаючы, й соби весело-прывитно посмихався й наблыжавсь до нихъ.

— А! и Андрій сюды!—наче тилькы що побачившы ёго, повернулась Мотря и весело заговорила до ёго:—А я оде йшла до титкы, та й зайшла, знаешъ, сюды...

— Драстуй, Ильку,—перебывъ ии Андрій—грієшся все на сонечку? Ахъ, ты жъ, лодарю! А въ вечери...

И не договорывъ: поривнявшись зъ Мотрею, вмытъ зупынився, блыснувъ очима, замахнувся кулакомъ, и Мотря, скрыкнувши, захыталась, закрылась руками и звалылась, якъ снипъ. Якъ дыкій звиръ накнувся випъ на неи и почавъ топтать ии ногамы, быть передкамы черевыкивъ у боки, въ спыну, въ жывить, шарпаючы за косы, зъ пиною на губахъ, зъ якимсь хрыплымъ ревомъ прымовляючы:

— А—а—а—э—э!... Смієшся! А! смієшся ще! Э—э! Тикать?... Отъ!... отъ!... Э!

А Мотря, закрывши щыльно руками лыце, зигнувшись якось на бикъ, тилькы здригувалась, посовувалась пидъ ударами и не плакала, не крычала, навить не застогнала й разу.

— Та що ты, Андрію! Тю! Та годи, здуривъ!—схаменувся сторопильный Илько.—Убьєшь же! Годи!—и потягнувъ за руку.

— Ильку!! не въ свое дило не мишайсь!—прохрыпивъ Андрій, зупынившись и повернувшись до Илька.—Заступныкивъ не треба!

Розпатлана, зъ збытою на бикъ хусткою, зъ сыними губама, зъ темно-червоною плямою на ливій щоци, зъ пыломъ и смиттямъ, що поналыпалы на другій, розхристана, важко дыхаючы, пиднялась Мотря и выплася очима въ Илька.

— Та убьєшь!... Хыба жъ можна такъ?—одступивъ трохи Илько.

— Не твое дило!!

— Та про мене!—здвигнувъ Илько плечыма, нахыляючы голову на бикъ и махнувши рукою.—Вбьєшь, самъ одвичать будєшь...

— Ха—ха—ха—ха! Заступивсь, заступивсь!—зареготала Мотря и, схопывшись, пидбигла до Илька.—Такъ ось же тоби, тьфу! тьфу! тьфу у саму твою гарну морду! Тьфу на тебе! «И

заступлюсь!» каже. Ха—ха—ха! Ты? Проты ёго? У, паршывый. никчемный! Тьфу! Ось тобі, о, на!

— Ну, ты...—одхыляючысь одъ іи дуль, муркнувъ Илько.— бо якъ дамъ...

— Ха—ха—ха! Ты? дасы? А ну, спробуй, а ну, а нужъ. ну! Чого ты? На ще, на! Бый же! Тьфу на тебе! Тьфу у сами твои гарни очи!... У, паршывый!.. А ты, сатано руда. не посмихайсь, не задавайсь! Ты думаешь, я не знаю твоихъ думокъ? Знаю. знаю! Тильки ты не задавайся. Я ёму плюю въ морду и пиду до ёго и буду ходыть, на зло тобі буду ходыть, бо винъ—гарный, а ты—рудый! И ось вамъ обомъ прокляти, ось!—и тыкнувши зъ ненавистю дви дули, блыснула очыма, насунула хустку й швидко пишла зъ двору.

— Скажена баба, ій-Богу!—ніяково всмихаючысь, промовывъ Илько, сидаючы на прызьбу. Андрій мовчки всмихнувся, пиднявъ зъ земли соломынку и сивъ рядомъ. Навкругы писля галасу зробылось наче ще тихище, тильки десь далеко-далеко гавкалы собаки та витеръ злегка шелестивъ соломою.

— Пидешъ завтра на ярмарокъ?—помовчавшы трохи, спытавъ Илько.

— Небезпреминно. А ты?—пидвивъ голову Андрій.

— Та хто ёго зна...

— Гайда вдохъ!

— Чого?

— Поможешъ мени.

— Та у тебе жъ Остапъ йе.

— Та ну ёго къ бису—самого Остапа: винъ або спыть, або пье... Та й чортъ ёго зна, де ёго шукать. Гайда ты... Га?

— Та хто ёго зна..., ій Богу...,—замнявся Илько.

— «Та хто ёго зна!» А що жъ ты завтра робытынешъ? Колю жъ и заробыть, якъ не завтра? Та й «робота» жъ яка: пидійшовъ до того, кого покажу, роспытавъсь, назвавсь родычемъ и пишовъ зъ нымъ въ пывну... Хе—хе—хе! Робота! А въ кышени вже и йе десятка... Га? А ще розумный хлопець!

— Та я розумію; чого-жъ?—образившись трохи, промовивъ Илько,—що-жъ тутъ не розумить? Звисно, можна заробить. Але... не люблю я ходы—ы—ыть, та говоры—ы—ыть, та пиддурювать. По моєму: побачивъ, взявъ та й герехть!... Або якъ що—вѣ морду, въ ухо...

— А потимъ побачылы, взяли—и въ тюрьму. Такъ?

— Ну!...

— Отъ то то-жъ бо й ѣе, що «ну»! А тутъ, братъ, прийшовъ, побалакавъ, зробився родычемъ и йды въ пивну и не одвичаешъ!

— Та воно такъ,—згодився Илько,—колы-жъ... Ну, а якъ винъ не повирить и не захоче одійты одъ воза?

— Ну, якъ такы не повирить? Повирить! Мурло дурне, зрадіе...

— Ну-да, зрадіе... А якъ ёго зъ имъ балакать?

— Прямо говоры, що знавъ ёго батька, брата, чы що... Приплеты сюды свого дида, бабу...

— Та хто ёго зна... Ни, їй-Богу, Андрію, я не можу. Що друге, знаешъ, я можу... Хыба жъ я колы одказувавъ? Чы пидпалыть жыда—палывъ; чы розбыть кого—бывъ.—А це, приставляться... Не можу!

— Скажы, що не хочешъ,—усмихнувся Андрій.

— Ну, отъ ще!

Змовклы.

— Чого-то вчора до тебе батько твій прыходывъ?—трохи згодомъ промовивъ Андрій.

— Та звисно чого!—засміявся Илько,—умовляты, щобъ я кынувъ гулять та за роботу взявся.

— Ну?

— Ну, а я ёму сказавъ, що тоди буду робыть, якъ буде робыть Клейтухъ, Тартаковський и уси багачи.

— А винъ?

— «Такъ воны, каже, не грабують». И я, кажу, не грабую. «Брешешъ, каже, ты, каже, тымъ и живешъ!» Ба ни, кажу, якъ

на те пишло, то вони саме й грабують, бо деруть и зъ слабого, и зъ бидного: а я зъ бидного не деру...

— Бо чортма чого драть!—хытро пидморгнувши, усмихнувся Андрій.

— Ну-да!—зареготався Илько—на чортá мороку зачипать зъ биднымъ, якъ на багатому можна пойихать?...

— Хоча бидного все-такы жалъ...

— Та ну-да жалъ!—пидхопывъ Илько и подывывся пыльно на Андрія,—звисно, бидный що? заразъ заплаче..

— Ну, а батько жъ що?

— Та що? «За це, каже, на тимъ свити зъ тебе будуть шкуру драть.» Эге! кажу, до того свиту далеко, а якъ други тутъ деруть, то чого жъ я не можу зъ ныхъ подрать?

— А винъ що?

— Плюнувъ та й пишовъ до-дому.

— Ну-да,—почавъ Андрій—то все, бачышь, такъ. Коны жъ одне... Багачи, бачъ, якъ деруть, то хочъ не бьютъ. А ты ще й бьешь.

— Ну, що тамъ! ударю разъ. два...

— Ого! добре разъ, два—засміявся Андрій,—а якъ тому ковбасныкови щелепы звернувъ?

— А чого лизъ?—зареготався Илько—я ёму...

— Бачъ, якъ-бы ты робывъ такъ якъ я,—перебывъ Андрій,—не бывъ, не заводывся, а тыхо та любо, то й було-бъ, що й ты не грабуешь...

— Ну-да,—муркнувъ Илько.

— А то ты и змалечку усе бьешся. И тоби достається. Пам'ятаешъ, якъ разъ тебе трохи не вбылы на базари? Якъ-бы не я, то й убылы-бъ мабуть.

— То коло Хаимовського?

— Эге-жъ.

— Ну, такъ ихъ же було зъ тридцатеро, а я самъ.

— Та то все одно, а вбылы-бъ.

— А вбылы-бъ, гаспиды!—зареготавсь Илько,—якъ-бы не пидскочывъ ты, убылы-бъ!

— А якъ хлопцями ще були,—пидхопывъ Андрій—то разъ-у-разъ же я тебе вызволявъ, бо то зъ тымъ, то зъ другимъ заведешся...

— Та и въ школи...

— А якъ на ставку? Жыденята? Та и въ школи... А якъ зъ школы зъ тобою тикалы, пам'ятаешъ? Ты, бувало, ховавъ книжки биля Рывки у бурьянъ. А, знаешъ, тоди якось веселище було!—ожывився Илько.—Бувало, пам'ятаешъ, цилый день на рыцци... товариши...

— Хм!...—гирко усмихнувся Андрій,—то правда, що тоди тильки й товариши, якъ самому беда... А теперь якъ допомогты тому самому товаришови, то й нема... Эхъ!...

— Та чудный ты, ий-Богу, Андрію!—вынувато глянувъ Илько,—хыба жъ я не хочу?

— Та ну-да не хочешъ! Тутъ же ничого важкого нема.

— То тильки, говорышъ, пидговорыты у пывну?

— Бильше ничого! Тамъ вже я самъ зъ Грышкою.

— Та я пиду... А десятка-жъ буде?

— Якъ удачна робота буде, то й дви дамъ!

— Ну?!

— Ий-Богу! Такъ общаешъ?

— Общаю.

— Ий-Богу?

— Ий-Богу.

— Ну, гляды-жъ!—вставъ Андрій.

— О! Куды-жъ ты? Посыдь ще, побалакаемъ. Усе згадалось... Вставъ и Илько, кыслѣ вытягнувши лице.

— Ни, николы... Треба ще... Такъ не обманешъ?

— Та вже сказавъ... Та посыдь, поговорылы-бъ...

— Ну, гляды! Прощай!

«А все-таки до Остапа треба зайты, прыготовытъ про всякый случай»,—выходячы зъ двору,—подумавъ Андрій и тыхо пишовъ улыцею, що спускалась у яръ, потимъ ишла на другу гору и пропадала мижъ хатами.

На самому дни яру, біля крыныци зъ велькымъ журавлемъ, обсажена навкругы садкомъ, стояла хата Марка Чумарченка, батька Мотрыного, удовця-звощыка, гиркого пьяныци, прыятеля Илькового и Андріевого. Поривнявшымъ зъ хатою, Андрій спынився и глянувъ черезъ тынъ. На прызби сидла Мотря, склавшы руки й дывлячысь замыслено кудысь у бикъ. Андрій постоявъ трохи, подумавъ, криво-ніяково всмихнувся и ставъ перелазыть черезъ тынъ. Почувшы шарудиння, Мотря повернула голову, пошукала очыма и, забачышы Андрія, похмурылась и отвернулась.

— Болыть и доси?—тыхо спытавъ Андрій, сйдаючы біля неи и беручы за ликоть. Мотря, не повертаючы головы, шарпнула руку и зновъ склала на коліна.

— Дуже болыть?—ще тыхше спытавъ Андрій. И въ тыхому сёму пытанни, наче въ розбытому голоси було стилькы теплои ласкы, стилькы благання й жало вынுவатого, що у Мотри наче морозъ пройшовъ по тилу, а серце здавлося страшнымъ до мѹкы жалемъ до Андрія, до себе, до своей щокы, що й доси ще палала, до побытыхъ рукъ, нигъ, до всёго свого понивеченого жыття. И Андрій почувъ, якъ та рука, що перше пручалась, задрижала въ ёго руци, побачывъ, якъ вельки ии очи налылысь слизмы, якъ губы якосъ по-дытячому скрывылись и затремтило пидбориддя. Андрій похоловъ, замеръ. Си очи, що налылысь слизмы, си горди губы, що скрывылись по-дытячому, се урывчасте хлыпання, се тремтиння тила, се тяжке рыдання Мотри,—тои Мотри, що тилькы злистно-весело сміялась разъ-у-разъ на вси ёго бійки та гордо всмихалася на вси ёго скажени речі, у котрой винъ николи не бачывъ и не думавъ побачыть сыхъ слизъ, сыхъ скрывленихъ губъ,—се все було такъ несподивано, такъ дивно, такъ невымовно чудно, пронизало ёго такимъ гострымъ бодемъ жалошцивъ, що спершу винъ ничого не мигъ вымовыть, тилькы якосъ пиднявши бровы, зблидшы, ніяково скрывывшы губы въ усмишку, сылкувався пиднять ии голову, одтулыть одъ лыця ии руки, заспокоить, потишыть. И вже якъ рыдання стали зтыхать, а руки перестали давить ёго шыю, винъ змигъ пробурмотать:

СЫЛА И КРАСА.

2

— Отъ!... хм! Ты дывы... Отъ нещастя... Ну, буде, ну годи... Отъ-то! Та Богъ зъ тобою... Отъ-то! Ну, годи-жь... Отъ-то... Ты дывы...

И тилькы, якъ Мотря мижъ хлыпаннѣмъ вымовыла: «Тилькы... не кыдай... мене»..., заговорывъ розумно, и зъ такимъ запаломъ невымовной любви, зъ такою сылою чуття, що Мотря заразъ же стыхла, пидняла голову и очамы, на якихъ блищали ще слёзы, радистно, зъ любовію дывылась на ёго. Андрій змовкъ. Мотря нахылыла голову й задумалась.

На улыци по малу прокыдалось жыття: заревла череда, замекалы вивци, заляскалы батогамы пастухы, заторохкотили по-троху возы, заскрыпывъ журавель бия крыныци, задымылысь дымари, почулысь писни.

— Андрію!—тыхо промовыла Мотря, не пиднимаючы головы. Андрій одвивъ свій поглядъ одъ червоныхъ останнихъ проминивъ сонця й мовчки повернувъ до неї голову.

— Засылай сторостивъ—ще тихище додала Мотря и ще ныжче нахылыла голову.

— Якъ! що?—не ймучы своимъ ушамъ виры скрыкнувъ Андрій.—Ты кажешъ, щобъ я засылавъ до тебе старостивъ? А ты жъ... Та брешешъ!

— Йй-Богу. Годи вже..., не можу...

Андрій одхылився трохи, пиднявъ їй голову и пыльно подывывся їй у вичи.

— Ни, здається, не бреше... Правда?

— Правда, Андрію!—усмихнулась Мотря,—йй-Богу, правда. Оця бійка, сварка..., дытына... Годи вже... засылай! старостивъ...

— Й Илька кынешъ?—Здержуючысь и трохи тихище запытавъ винъ. Мотря криво всмихнулась и, нахылившысь, мовчки хытнула головою.

— Зовсимъ? Не пидешъ никóлы?

Мотря легше хытнула.

— Николы не поцилуешъ, николы не дасы ёму й руки до тебе простягнуть? Николы?

Мотря тилькы мовчала.

— Ілька?.. Подумай: ты и торикъ це жъ саме говорила и на другый же день побигла... Подумай, удумайся... Я жъ и теперь скажу: не быть буду, а убью, якъ побижышь жинкою!

— Знаешъ що, Андрію,—ніяково всмихаючысь, не дивлячысь на ёго, підняла голову Мотря,—я... ще... подумаю. Я скажу вже потимъ... Ну, въ четверь скажу...

— Ага!—зъ злїстю муркнувъ Андрій,—я такъ и знавъ. Ухъ, ты, хвойда проклята!— зъ зневагою, зъ ненавистю кинувъ винъ и, одыхнувши іи руку, що лежала на колїни у ёго насунувъ картуза и вставъ.

— Підожды!—зблидла Мотря,—куды жъ ты? Я жъ не сказала, що не пиду за тебе...

— Такъ скажешъ, все одно. Прощай!..

— Ну, ни, підожды... Я жъ... ты жъ... Ты жъ самъ говоришь «подумай». Я пиду за тебе, я подумаю. Ты жъ... я жъ тобі ніколи нічого не казала, якъ ты позаторикъ не хотивъ брать мене, якъ я хотїла; я жъ мовчала.

— Бо не любила!

— Якъ не любила? А якъ же?—здывувалась Мотря.

— Такъ прямо...

— И дытына тильки такъ?—глухо, нахмурившысь, запытала вона.

— И дытына...

— И въ тюрму до тебе бигала що-дня тильки такъ?

Андрій махнувъ рукою, але не сказавъ нічого.

— И кулаки твої два роки зношу тильки такъ? Чого жъ мовчышь? На якого жъ чорта ты мени рудый здався, якъ я могла кращыхъ знаты? Га?.. Ухъ, ты!!

— А хїба не знайшла? А Ілько? Ще задається... Прощай!—ненавистно выговоривъ винъ за однимъ духомъ и, повернувшись, швидко підїїшовъ до тыну, перелизъ и пишовъ по улыци.

— А въ четверь прыбижышь!—навздогїнци кинула, смїючысь, Мотря.

— Не диждешъ гадыно!

— Ой, прыбижышь!

Андрій гыдко на всю улыцю, не вважаючы на людей, вылаявсь до Мотри.

— Прыбижышъ, прыбижышъ, бо въ четверъ всю правду скажу!—почувся ще разъ голосъ Мотри и за нымъ якыйсь нервовый, голосный ии смихъ. Андрій ще разъ вылаявсь и швыдче пишовъ одъ хаты, видъ якои наумысне-голосно, якое нервово почулось:

А я славы тои не боюся,

Зъ кымъ люблюся,—не наговорюся.

II.

Прокынувся Сонгородъ. Ярмарокъ. На улыцяхъ стоить туманъ пыли; торохкотять возы зъ привязанымы до ныхъ киньмы, воламы, коровамы, телятамы: питае солома, шерсть; «дядькы», поспускавши зъ полудрабкивъ ноги, по тры, по чотыры, а то й цылымы купама поспишають до базарю. А на базари галась, регить, ревъ, выкрыкування, заклыкання, гукання; ряды возивъ, ряды перекупокъ, жывивъ, кацапивъ, ряды шатривъ зъ хусткамы, намыстами, кожухама, ряды зъ рыбою, ряды зъ паляныцама, ряды зъ дѣхтемъ, саломъ, сілью. И туманъ пыли по всѣму.

Тыхый, спокойный, навить флегматычный украинський ярмарокъ. Нема въ ёму ни зайвой турботы, ни зайвого крыку, ни зайвой биганыны: мирно, спокойно,—и легкий колѣрь флегмы на всѣму. Тилькы коло жывивъ, бублейныцъ та цыганъ и почувешъ несамовиты крыкы, безсоромну брехню, тилькы коло ныхъ побачышъ бійку, иноди кровь и разъ-у-разъ полицію.

— Бублычкы! бублычкы гарячы! на сали, на масли, на всимъ продовольстви! Пять копѣекъ за тры пары, симъ—десятокъ! Добирайте, дядькы, молодыци, гарненькы дивчатка!

И пидійде дядько зъ батогомъ въ рукахъ, уважно обдывится бублыкы, калачы, паляныци, спытае по чому, подумае трохы, поторкае обережно пальцемъ и мовчкы одійде соби.

— Куды жъ вы, дядечку? Паляныци жъ, якъ сахаръ. Де-
сятъ копѣекъ, дядю! Ну, за девять отдамъ!

— Знаемъ вашъ сахаръ! — бовкне соби пидъ нись «дядько»
и такъ само пиде дали, проштовхуючысь, роздывляючысь, обма-
цуючы й одходячы...

— Ахъ, какыи вы стали скупыи? — докирливо хытае головою
молодой жыдокъ засмалений, товстоныций дивци, що роздывлялася
на червону зъ зелеными квитками хустку. — Самая петербургская
матерія!.. По самой первой моди!.. Ахъ, скупыи, барышня... Это
не хорошо!

— Дамъ трицять пять! — пиднима голову дивка, не выпу-
скаючи хустку.

— Меньше, какъ шезьдэсятъ, накажи мине Господь не
можно!.. Вамъ какихъ нытокъ?.. Какыи вы скупыи! Такая багатая
и красивая барышня и только трицять пять... Здачи? Суре,
гибъ имъ здачи... Нету?.. Вотъ я чичасъ дамъ здачи, одну мы-
нуточку... Если вы хотите купить этотъ платокъ я вамъ для васъ
можу отдать за 50 копѣекъ... По знакомству...

Мовчки, довго роздывляючысь, стоить дивка биля хустки и
парешти розввязуе край своей хусточки, выймае грошы, довго
личыть ихъ, оддае жыдкови, пыльно-обережно склада хустку и
одходить тихо, спокійно, задоволено.

А ще тихише, ще спокійнише ярмаркують на воловий та
гиний.

Веде пару сиренькихъ, невеличкихъ бычкивъ худенькый,
маленькый, трохи сывенькый «дядечко», зъ одною выпущеною шта-
пыною зъ полотняною латкою на колени, въ брыли, зъ такимъ
носомъ, що, здавалося, сей дядечко ще змалечку не цурався ча-
рочки.

— Що за бычки, сынйи нись?

Мовчокъ, тилькы суровой поглядъ зъ пидъ сывенькихъ бривъ
и сердыте «гей!».

— Дядьку! землякъ зъ бураковымъ дюхачемъ! Що за бычки
дамъ?

— Зашмаруй напередъ ряботыннѣ! — одмовляе сынѣй нѣсь, — а тоди ѣ пытайсь про бычкѣвъ, — полякаются! И задоволено всмихаючысь, прямѣе собѣ дали и такѣ само скрызѣ розмовляе, задоволено посмихається и ходыть доты, покы жѣнка не однимѣ воливѣ, не продасть ихѣ кумовѣ и тымѣ самымѣ не одбере у ѣго спроможности ходыть, перекидыаться гострымы словамы, тымѣ самымѣ не одбере всю мету ѣго ярмаркуваннѣ.

А сонце пече, розлива по тѣли якусь млявистѣ; пахтыть кѣньскымѣ гноємѣ, молодымы огирками, жытнимѣ хлибомѣ, таранею, дѣгтемѣ. Вѣ довгѣй, вузькѣй вулицѣи возѣвъ затовплѣнѣй кѣньмы, воламы, людѣмы чуты регить, сварку, торгуваннѣ; на возахѣ, заваленыхѣ лантухама, синомѣ, свижою травою, свѣткама, голосно перегукуютьсѣ молодыщѣ, дѣвчата, невеличкѣи хлопчыкѣ; на выгонѣ плаца, пѣдгукуючы, пѣдкидаючы лѣктыма, хлопчыкѣи сылкуются удать зѣ себе Шмуливѣ, буланыхѣ, кацапѣи то-що: коло рѣчки выбрыкууючы, похнюповышысь, весело ржучѣ, товплятьсѣ конѣи, коровѣи, волѣи.

Але торгѣ провадытьсѣ повагомѣ, не хапаючысь, не передѣраючысь одѣвъ передѣ другымѣ; торгуютьсѣ спокѣйно, поважно, де-не-де зѣ смѣшкомѣ, зѣ тонкою иронѣею, зѣ коментарѣями до товару; торгуютьсѣ безѣ выдыранныя очѣи, безѣ дыкого запалу, безѣ хытрощѣвъ, але зѣ тонкымѣ пѣдходомѣ. Надходѣть поважнѣй «дѣядѣко» вѣ новѣй свѣти, вѣ картѣузи, зѣ маленькѣими очѣима пѣдѣ густѣи бровама, зѣ тонкѣи губама и невеличкѣымѣ ряботыннѣямѣ по худому лѣицѣи; пѣдступае винѣ до купкѣи, що стоить, поспѣравшысь на конѣи и розмовляючы тѣхо та мырно. Навѣругѣи, звѣчайно, конѣи, лѣоде; всѣи товплятьсѣ, штовхаються, пролазѣять мѣжѣ кѣньмы, перегукуютьсѣ, регочѣуть. Дѣядѣко розводѣить двѣи спѣины конѣи, просовується и, потягнувши злѣгка за картѣуза, промовляе:

— Драстуйте! Боже поможѣи!

— Спасѣибы! — одзѣиваются де-котри и, не перемѣняючы поставѣ, слухають дали якого небудѣ оповѣдача. Дѣядѣко те-жѣи постоить, послушае, подѣвытыся инодѣи на конѣячокѣи и, намитѣи вѣи яку-небудѣи воронѣеньку зѣ худѣи бокама, зѣ вытертымѣ чубкомѣи и

повысмыкуванымъ хвостомъ, наче знехотя ткне батогомъ у бикъ и тежъ знехотя, ни до кого властыве не звертаючысь, бовкне:

— А що просыть?

Конячка крутне хвостомъ, переступить на другу ногу, зитхне зъ присвыстомъ и зновъ похылится; а хазяинъ и, одвернувшысь трохы одъ оповидача и, мицнище упершысь ликтемъ, тежъ наче знехотя муркне:

— Тры красни.

— ... Ну, та й говорю ёму. значыть тому такы панови,—чуется зъ купки—«змылуйтесь, ваше благородіе, я жъ тутъ хйба якъ? хйба я що?» А винъ, чортъ ёго-зна, чы вже таке зроду погане, чы.... якъ заверещыть: «на неделю у тюрьму!»...

— А дви?—зновъ торкае пужалномъ конячынку дядько. Коняка зновъ крутыть хвостомъ, зитхае и переминяе ногу; хазяинъ зновъ трохы одвертается, зновъ умоуцуется зручнійшъ на спыни и одповидае:

— Двадцять симъ дають.

— Та мабуть невеличкыхъ?

— Чого? Хйба не стоить? Кинь, якъ кинь.

— Та вже-жъ! И голова, и вуха йе... Дви берете?

— Та що вы, землякъ! всмихається хазяинъ и повертається вже зовсимъ до дядька.—Хйба вже я якъ? у Бога теля зйивъ, чы що? Узять дви, якъ до ихъ дають ще симъ!

— Та й берить!

— Та й визьму!

— Та й держить!

— Та й вдержу!

Дядько одходить трохы, повештається навколо, потыкае въ боки де-якыхъ конячокъ и наче зовсимъ ненавмысне опынытся коло вороненькои:

— А що держыте?—ледве всмихаючысь, кыдае винъ до хазяина конячки.

— Держу.

— А поснидалы добре?

— До обиду не далеко.

— Ну, то... зверху додамъ два.

— Ни, буде холодно. Коняка добра... молода.

Дядько пидходить блыжче, мовчки пиднима голову вороненькый, розтуляє рота й дывытся въ зубы.

— Та що тамъ?—всмихається хазяинъ—хочъ дывиться, хочъ ни, а бильшъ пята не дасте.

Дядько, не видповидаючи обходить навкругы, пиднима ноги, маца боки, тягне за гриву, бье по клубахъ и, наче твердо обмиркувавши, ришае:

— Ну, то отъ-такъ... Держить руку... Двадцять пять и (бье зъ повагомъ) крышка!

— Ни,—хова руку хазяинъ,—якъ не тры, то й не тратьте, куме, сылы.

— То такъ такы й тры?

— Та такъ.

— Ну, а такъ, щобъ продать?

— Щобъ продать?—замыслюється хазяинъ—такъ, щобъ, продать, то отъ-що: дасте двадцать висимъ и берить. Хай вже...

— А якъ по Божому?

— Та що вы, дядьку, торгуетесь?—вмишується одиный зъ купкы въ шыроченному брыли, зъ веселымъ, лукавымъ поглядомъ.—Крыця, не лопыця: бижить-дрожить, упале,—лежить. Сестра ии въ Кыиви зъ горы бигае.

Въ купци посмихаються, дядько поважно обдывляется, хазяинъ пыльнуе ёго.

— Ну, двадцать шисть.. Держить руку!

— Двадцать висимъ!

— Двадцать шисть!

— Двадцать висимъ!

— Ще й цыбулю на хвистъ—додае брыль.

— Ну, то щобъ не по вашому и не по моёму.

— Держить руку... Держить. Двадцать симъ!

— Та давай. Данылю,—радыть брыль.—бо вороненька вже стелется.

— Ще бъ полтыныка... чухается Данылю.

— Э—э...—докирливо хытае головою дядько, виймаючи грошы й одличуючы 27 карбованців,—ще мало вамъ.. Берить!

— Ну, хай иде.. Давайте.. Хай вамъ Богъ помага, а конячinka, їй Богу,—добра!—переличуючы грошы, ховаючи у кышеню й передаючи обротъ дядькови, витха Даныло.—Якъ бы не така скрута... Эхъ!..

— Прощавайте!

— Щасливо.

— Но!

И скоса поглядаючи на вороненьку, посмыкуючы часамы за обротъ, пропыхаючысь мижъ купамы людей и рядами коней, прямее соби дядько до воза. Але, зустрившысь изъ земляками, спынится, розбалакается, обинрется тежъ на спыну вороненькій и, слухаючи якого небудь оповидача, поважно на запыты по-купцивъ одповидає:

— Не продажня.

Тилькы жъ вмишається де жыдъ, або цыганъ, тамъ спокій сей зминяється на крыкъ, на гвалтъ, сварку, иноди и на бійку. И набига полиція, збигаються люде, пиднимається галасъ и нарешти трое або четверо дядькивъ попадають въ холодну, тягнучы за собою цыгана й жыда.

На воловій, биля кунки людей, въ темному пиджаку, такыхъ же штаняхъ, въ глаженій сорочци й новому картузи, стоявъ Андрій. Биля ёго, переминаючысь зъ ноги на ногу, часто поглядаючи черезъ головы людей до крамныць, крутився невеличкый парубокъ зъ прыщоватымы щоками и сыненькымы, полынялымы оченятками.

— Та ёго, Андрій Манасовычъ, не буде, їй-Богу, не буде,—заглядаючи въ вичи, вымовивъ парешти винъ.—Винъ ма-буть де-сь уже запывъ.. Хе—хе—хе!

Андрій погано вылаявсь.

— Хе—хе—хе! А я ще вчора ёго пытавъ:—«Будешъ, кажу, на ярмарку»? «Буду»,—каже.

— Ты ось що,—почавъ Андрій,—бижы..., того ёлюна, правда, все одно не буде, ты бижы заразь до Берка й пошукай тамъ Остапа,—винъ тамъ повиненъ быть. Скажы, що я ёго клычу.

— Робота буде, хе—хе—хе!

— А якъ не буде у Берка, бижи до Тартаковського. Знаешъ?

— Ну, отъ! Скажу, що йе хороша работа...

— Цёго не кажи! Прямо скажи: Голубъ клыче.. Пидожды..

А самъ до мене потимъ не пидходь. Чуешъ?

— Ну-да, бо, звисно...

— Та не перебивай! Не тямышь и мовчы!

Прыщуватый нѣково всмихнувся и вынувато глянувъ Андрѣиви въ вичи.

— До мене не пидходь, а якъ побачышь, що Остапъ поведе онъ-тыхъ хлопцівъ до пивной.. Бачышь якихъ?

— Бачу, бачу: одынь у брыли, а другой безъ шапки, во-лыкы коло ихъ.

— Этъ! дурне! кажу, слухай! Дывись: бачышь червону гарбу экономышеску? Та куды лупаешъ! Он-он-но!

— Ага, бачу!

— Бачышь-же?

— Йй-Богу, бачу. Здорови, сири волы коло неи... Парубкы сыдять билиа вѣя.. йидять щось. О! одынь уставъ.

— Ну, такъ. Такъ якъ побачышь, що воны пидуть зъ Остапомъ, иды заразы же до гарбы, сидай коло неи и... сыды. Сыды та й годи.

— Ну-да, розумѣця..

— А якъ пидѣйду я зъ кымъ-небудь, скинешъ шапку й будешъ звать мене паномъ...

— Хе-хе-хе! Ну-да, бо панамъ, сто бисивъ ихъ матери, разъ-уразъ дешевше уступають.

— Та ни! Ну й дурный же ты, Грышка, Господь зъ тобою!—усмихнувся Андрій.

— Я не купувать, а продавать ти волы буду. Чуешъ, розумѣешь, капустяча голово?

— Ага.

— И ты не чужый мени, а мій наймытъ, зъ села Лементаривкы..

— Ну-да, такъ.. Мы зъ экономіи... Ага-а-а!!—прояснивъ вмытъ Грышка й зереготався.

— Розибравъ? Ну, такъ бижы.. Твои тры карбованци и пивкварти. Та швидко! Пидожды, пидожды. А Остапови скажы, щобъ тежъ до мене не пидходывъ, а прямо йшовъ до хлопцивъ... Той уже зна, куды ихъ весты. Ну, гайда!

Прыщуватый весело насунувъ картуза на лоба, штовхнувъ якогось дядька, крыкнувъ «а ну, мурло, зъ дороги!» и пропавъ середъ натовпу.

— Нема Илька, обманувъ,—майнула въ Андрія думка,—Дурень... А!! Може винъ у Мотри? Он-що! А я думаю... О, хвойда проклята! То жъ то вона ще хотила подумать... Та ни, на вищо бъ говорить, що пиде за мене?.. Такъ он-що! Ну, добре, добре!... Це батька нема, такъ вона прямо въ хати обнимае.. Якъ бы знавъ, якъ бы я догадався ранище, я бь... Упустю жъ таку рыбку... Чы може плонуть? Ни, нехай..., не треба думать...

— Отъ якъ бы застать, тыхенько пидійты й накрытъ... Чы вони въ горнищи, чы въ кухни? Мабуть въ кухни, обидать варыть! Ни, сёгодня неділя.. А може вона пишла до церкви?... Ну-да.. гм... Я думаю, що пишла до церкви.. Гм... отъ не подумавъ! Той може теперъ десь на роботѣ, когось уже облапошывъ, а я казюсь.. Ще прогавлю сёго дида. Чы не прогавывъ?.. Ни ще стоять; дававъ девяносто одынъ..., карбованцивъ зъ сотню мае.. Ще чого доброго купыть волы... А тутъ ще, чы найде того Остапа.. Ну-да, мабуть до церкви, хм... такъ я й знавъ... Ну-да.—неділя... хмъ...

Била Андрія зупынылась купка людей. По серединѣ, то прыскакуючы до молодого парубка, то одскакуючы, шарпаючы за собою малесеньку конячынку, гарячывся высокій, гарный цыганъ. Парубокъ, спершысь на буланого, молодого, стрункого конька, спокійно, навить насмишкувато всмихаючысь, хытавъ тилькы головою й иноди порывався йты. Мижъ ными въ розхристаній сорочци, безъ шапки, ледве дывлячысь, заточувався якийсь пьяный «землякъ».

— Бій, бій!! Не хочеш? не хочеш? Жалить будеш!

Парубокъ всмихнувся и, подывывшысь на конячку, пронычно спытавъ:

— Вона жъ хочъ витерь повезе?

— Ха!—стрыбнувъ цыганъ.—Дывы! Вона справытсь за трѣхъ такихъ, якъ твій. Ты дывы, о! и не вгнетсь!—и стрыбнувши, впгъ вмытъ опынывся на шкапынці, котра, не сподивавшысь такого, перелякалась хытнулась и ледве не впала.

— Ну й «лошадь»!

— Вогонь!

— Ты нею ладагъ возы!

— Минайсь, Сыдоре, диты кататымутсь!

— Та що ви смієтсь, що ви смієтсь?!—не зважаючи на регить, пидбигъ цыганъ до купки.—А давай на що, що випередить хочъ яку! Давай! Ага! боитесь? Та по йй видно... Ти дивышсь, що вона мала? Ха-ха-ха! Та це жъ кыргызка, сама чистокровна кыргызка! Що жъ би то й була за кыргызка, якъ бы вона не мала була... Ну, берешъ пять додачи? Ни? Шить берешъ? А симъ?.. Ну, то йды къ чорту! Но!!...

Цыганъ швидко повернувся, шарпнувъ шкапынку, ступивъ ступнивь изъ пять и, хутко повернувшысь, пидбигъ до парубка, схопивъ за руку и, наче пускаючиься на - одчай, крыкнувъ:

— Ну, чортъ ёго беры! На висимъ, давай буланого. Хай мое пропада! Бій!

— Та я не хочу миняться! Вдесяте кажу!

— И висимъ не хочешъ? Дурный же ты! Будешъ жалить, схочешъ вернуть, та пизно буде. Беры, покы дають! Говорю тобі, золото берешъ, а не коня!

— Ни.

— Эхъ! пропадать, такъ пропадать! Держи руку, держи руку.

— Та не хочу!

— Держи! Даю девять! Бій!!

— Бый, Даныло, б-б-бый,—заговорывъ вмытъ «землякъ», що доты мовчки хытався и слухавъ ледве поводячы очимы.

— Та то, дядьку, не Даныло.

— Ну, то... Иванъ..

— И не Иванъ.

Ну, то... йды пидь тры чорты! Не зъ тобою говорю! Свин-ня!.. Ты, Гаврыло, б-б-бий.. або знаешь що? не б-б-бий..

— Не мишайте, дядьку!—одипхнувь ёго цыганъ. Дядько за-мовкъ, похытнувся, хотивъ провесты рукою по вусахъ и, мацнувши тилькы по мокрыхъ губахъ, хытнувся въ другой бикъ и зупынывъ свій важкый, затуманений поглядъ на цыганови.

— Держи руку! Держи! Девять!!

— Ни.

— Ну, чортъ же зъ тобою и зъ твоимъ буланымъ! Зъ дур-немъ дило мать!... Но!... Берешъ девять?

— Ни.

— Но!!

Але одійшовшы трохи, вмыть повернувся, пидійшовъ до парубка, взявъ за руку, подывывся ёму въ вищ, всмихнувся и, зитхнувши, полизь у кышеню, промовляючи до купкы:

— Прийдется дать, ничего не вдиешъ... Бачу, десятку хоче..

— Та не выймайте,—сказавъ парубокъ,—я не поминяюсь...
Комедія, йй-Богу!

Але цыганъ, наче не чуючы, вынявъ гаманця й почавъ личить.

— Та не давайте, не визьму!

— Сорокъ пять... До пари мени буланый... шистдесять...

— Та я жъ вамъ говорю, що не поминяюсь, Ну, й...

— Девяносто пять.. Опе висимъ... Висемдесять... десять!

На, беры!—Махнувши рукою, скинчывъ цыганъ.

— Та я жъ вамъ говорю, що не миняюсь.. Но!! Гайда, Мыкыто!

Цыганъ спершу мовчкы трохи подывывся парубкови вслидъ, потимъ вылаявся на всю губу.

Уся валка, сміючысь, разбрелась на вси боки.

— Тьфу, чортъ!—схаменувся Андрій,—заслухався чортового цыгана и мабуть прогавывъ дида... Ну-да.. Ни, слава Богу, стоить... Що жъ Грышка?.. Ни, й той вже лежить...

Грышка дійсно лежавъ вже били гарбы й иноди поглядавъ у той бикъ, де стоявъ Андрій.

— Ну, пора!—ришывъ Андрій и, обдывившысь на себе, линыво, наче гуляючы, ставъ наблизаться до купки селянъ, що стоялы коло пары здоровыхъ, круторогыхъ воливъ.

— Йй-Богу, не можна, чоловіче добрый! Отъ якъ передъ Господомъ мылосерднымъ, самъ торикъ давъ девяносто п'ять... Волы, говорю вамъ, таки, що.. а—а! Тутъ же и робота, и сыла, и подывятся йе на що.. Роги, гляньте, яки... Хрыстомъ-Богомъ завиряю, що самъ давъ девяносто п'ять.

— Та воно та-а-къ,—схылывъ голову на бикъ и розвиль руками прыстаркуватый чоловічокъ зъ сывенькою, риденъкою боридкою колы жъ... дорого.

— Не дорого, землякъ, йй-же Богу, не дорого!

— Драстуйте, мужичкы—прывитно всмихаючысь, промовывъ, пидходячы, Андрій. Де-котри познималы картузы, де-котри тилькы потягнулы за козырькы й одказалы разомъ:

— Доброго здоров'я.

— Торгується? Хе—хе—хе! Торгуйтеся, торгуйтеся.. Во-лыкы хорошыи. Да, дѣйствительно, волыкы не плохыи.. Да, да.. Скільки просять?

— Не дорого, господинъ... девяносто п'ять?

— Ну-да, оно.. собственно... А дають?

— А даю девяносто два,—промовывъ чоловічокъ.

— Гм... Волыкы ничево сибѣ... Толькы, хе—хе—хе, зна-ете, усякому свое. Той, значить, любить такое, а иной уже ся-кое.. Отъ, скажемъ, примѣромъ, за мене. Люблю волыкы, йй Богу, люблю!.. Я самъ помѣщыкъ, имѣю землю... Да... А вотъ, какъ повидю волыкы, такъ прямо и бирѣть охота... Выдѣль я толькы што волыкы. А—а—а, ть—ть! Прямо золото... И отъ же, преобразить сибѣ, не дорого, йй-Богу, не дорого. Такъ будь деньги, такъ и купывъ бы. И немного: девяносто рублей... Толькы жъ и волыкы.. И ето волыкы хорошыи, но тѣи будутъ, какъ будто полѣпше... Толькы жъ опять скажу, хто што любить...

Отъ скажемъ, прымѣромъ, етотъ мужычокъ. Онъ по выдимости больше любить... не такыи, какъ ето волы. Такъ мужычокъ?

— Та, знаете—усмивнувся «мужычокъ»—не такъ любить, якъ треба.

— Э, ци!—добродушно пидховывъ Андрій,—не скажить, не скажить... То такы, значить, нада—што нада, то нада!—а то такы и... какъ бы вамъ по простому изъяснить?... и охота, чы што. Охота, знаете, большое дѣло.

— Ну-да, звисно, що охота...

— О! о! Хе-хе-хе! Я вже знаю! Ето и по наукахъ звѣсно. Охота, пышется въ книгѣ, пособныця на работу. Хе-хе-хе-хе!

— А вже безъ охоты за роботу не берысь—згодывся одинъ зъ купы, зитхнувши.

— Ну, купуйте, купуйте, не буду мишати—наче схаменувшись, промовывъ Андрій и нацилывся йты.—Волыкы хорошыи, купуйте, дядьку... А я пойду посмотрю на тѣи волыкы... Люблю, хе-хе-хе... Прощайте! Ходю сибѣ, знаете, та все разматрую. Натомышся за недѣлю въ економіи, ну—и... хе-хе-хе... дозволишь сибѣ погулять у воскресеніе. Досвиданіе!

— Щасливо... прощайте!—потягнулы дядькы за козырькы, и Андрій заразы же почувъ:

— Такъ берете девяносто два?

— Чоловиче добрый! Якъ бы можна було хйба бъ я торгувався!

— Ну, то якъ хочете... Пиду. Прощайте.

— Куды жъ ты, Тарасе?

Тарасъ махнувъ рукою и, не поспышаючи, ставъ доганяты Андрія, который лиыво, потыхеньку пробирався мижъ людмы. Поривнявшысь зъ нымъ, Тарасъ ставъ мовчкы йты рядомъ, похлѣсуючы иноди батогомъ.

— О! и вы!—наче тилькы що побачывшы, трохи згодомъ промовывъ Андрій,—не сторгувались?

— Дорого; волыкы-бъ и ничего, та...

— Волыкы... да... Тилькы знаете, я вамъ такъ скажу: лучше купы то, што нравятся, чымъ то, што не нравятся. Отъ хочъ бы

й я: имѣю волю; волю; не скажу, щобъ плохыи, но... не правятся..., прямо не люблю! Я, знаете, челаекъ простой,—минѣ не нада тамъ усякихъ панськихъ выгадокъ, хочъ самъ я и, можна сказать, не зъ простыхъ. Ты минѣ дай, щобъ челаекъ былъ харошый и... словомъ, харошый... Минѣ все одно, чы ты мужыкъ, чы пань... абы въ тибѣ душа была, абы ты не обыдилъ блыжнёго. Сказано «любы блыжнёго, какъ самого сибѣ».

— По Евангеллю, значыть, жывы... А далеко ти волюкы, що вы говорылы?

— Да, да! Не обманы и не украдь!... А он-о-но и волюкы тѣи. А, волюкы, золото! Отъ пройдемъ отъ тутъ мижъ возамы, оно выйдѣтъ блыжче... А отъ ето и мои волю... Що, Грышка, наповавъ волю?

— Наповавъ, пане!—схопився Грышка и знявъ картуза.

— Пылы добре?

— Добре, пане.

— Пидкынь же синця... Ну, що,—повернувся Андрій до Тараса,—ничево волюкы? Тольки куды имъ до тыхъ. Вы подывятся на тыхъ... Вы посмотришь... Отъ отцеда лучче видно... Мордочки какыи... Ахъ, вы жъ мои!... Эхъ! знаете, если бъ хто далъ сичасъ минѣ за мои восимдесять, доложыть бы десять и купыль бы! Накажы мне Богъ, купыль-бы... Тольки што-жъ? не дадутъ за мои восимдесять... А тутъ зъ дому не взять... Узять на всякыи покупкы, та што-жъ? за пятнадцать рублей не купышь ихъ! Пойдемъ, посмотрите...

— Та чого вы думаете, що за ваши не дадутъ висимдесять?—розглядаючи волю, промовивъ Тарасъ.

— Ха—ха—ха! А, бодай васъ!—наче розуміючи жарты, добродушно ударивъ Андрій по плечу дядька, але заразы-же поважнійшь додавъ:—Хоча, положыть, волюкы ничево сибѣ... Тольки-жъ посмотреть на ти, куды-жъ етымъ!

А ци волюкы булы здорови, сыти, крутороги волю, зъ мицнымы, здоровымы ногамы, зъ дужымы, шыроковы грудымы; «золоти» жъ волю булы здоровеньки, звычайни волюкы. Тарасъ подывився на ти, на си, пыльно глянувъ на добродушну и навить

дурненьку посмишку Андрієву, постѣгавъ трохи замыслено бато-
гомъ по колесахъ и промовывъ:

— А все-таки, я думаю, що й за ваши можна дать висим-
десять... Подождить, що вы смієтесь! То воли хороши, вони такы
й лучше цихъ—що правда, то правда! але-жъ и цина за ихъ
лучча! Що луччи вони, то луччи, що й говорити, але-жъ и ци
ничого. Ось вы знаете що? не смієтесь, а отдавайте мени ваши
волыкы... Вамъ ти прийшлись до души, а мени ци... Та?

— Та що вы?!

— А отъ же їй-Богу!

— За мои даете висимдесять?!

— Даю.

— И заразъ грошы?!

— И заразъ грошы!.. «Та й дурни жъ ци панкы, просты
Господы!»—мовывъ соби въ думци Тарасъ.

— Значить, я могу заразъ и ти волыкы купить?—радисно
скрыкнувъ Андрій,—Господы! Та ни, вы... шуткуете.

— Ну, отъ!...

— Грышка, чуешь? Заразъ купимъ ти волыкы. Ну, спа-
сыби вамъ, спасыби вельке, Тарасъ... Тарасъ... звинить, не знаю,
какъ по батюшкѣ...

— Семеновычъ.

— Тарасъ Семеновычъ. Спасыби, їй Богу, выручылы. На
радошахъ выпью прямо, хочъ вже мисяця два якъ не пывъ... За-
разъ-же могорыча вамъ, Тарасъ Семеновычъ... Грышка, бижи въ
монопольку и таскай сюды пивкварти... Подожды... грошы-жъ
на... Купышь дви четвертки,—вже пошепки и зъ выду гризно до-
давъ Андрій,—и въ одну выленшъ зъ цѣго слоика... Чуешь? Не
бійсь, це—сонни капли... На. Та беры такъ, щобъ той не ба-
чывъ. Та гляды, якъ будешъ наливать намъ, не налуй мени зъ
той четвертки... Назначы їи якъ-небудъ, надирвы бумажку, що на-
липлена, чы-що... Иди!.. Та не барысь, Грышо!—се вже въ го-
лосъ говорывъ Андрій.—Купышь тамъ и ковбаскы й палянычкы...
Подожды! Принесешъ ето всё туды на берегъ за очеретомъ, мы
будемъ пидъ вербою... Знаете, усѣ такы какъ-тось неприлично

пидь возомъ, чы знакомыи какыи помѣщыкы, чы штось такое... А тамъ никада никого не буваець, не повыдять и не такъ душно,—травычка, ставочокъ, вербычка, хе—хе—хе!

— Ну-да, пидь вербою, якъ той казавъ, и йистся смашнице.

А пидь вербою, що стояла на берези ставка далеко одъ водоюю, за очеретомъ, справди було краще: травычка, очереть, ставочокъ, тинь и... ни души навкругы. Незабаромъ пидоспивъ и Грышка; налылы, закусылы и бесида ще теплице, ще щырище полылась мижъ недавними прыятелями. Налылы зновъ, закусылы, поговориылы; налылы по третій, четвертій, пьятій...

— Вы вже той... звынить, я трошки ляжу... Натомывся, ходячы, та щось до сну клонить,—прымощуючысь, промовывъ писля шостои Тарасъ и вже пьяненько осмихнувся.

— Ничого, ничого... Звисно, наморышся... Отъ хочъ бы, примѣромъ... Отъ сюды лягайте головою, тутъ наче горбыкъ... А я вже вамъ договорю такы за свого дядька. Ну, то й пишовъ винъ до тои, выходить, барыни, ёго родычкы. Входить до неи у комнату, а тамъ уже сыдыть той, що перепынявъ дядька... Отъ преобразить соби, Тарасе Семеновичу, таку штуку: тутъ значить...

Тарасъ Семеновичъ трохы росплющывъ очи, мугыкнувъ щось, заплющывъ зновъ, ще разъ тыхо мугыкнувъ и, схылившы голову на ликоть, спокійно й тыхо заснувъ.

— Спыть вже,—прошопотивъ Грышка, що весь часъ слидкувавъ за нымъ. Андрій, розповидаючы все-такы якусь нисенитницю, вырвавъ очеретыну, облущывъ ии й дуже хлѣснувъ Тараса по пальцяхъ. Той не зворухнувся.

— Ну, йды стань тамъ и дывысь,—повернувся Андрій до Грышкы,—якъ буде хто йты, кашлянешъ.

Грышка, весело смихнувшысь и поглядаючы назадъ, пишовъ и ставъ на поворотци.

— Що за чортъ! нема!—хапаючысь, и поглядаючы на Грышку, шепотивъ Андрій.—И за пазухою нема... Невже брехавъ... Убью гада! Ну, повертайсь... Щось въ щій кышени,... завъязано...

Розирвавши очкуръ, Андрій налашавъ щось тверде, схопивъ зъ травы ножыка и одризавъ всю кышеню. Зъ розгорнутой кышени глянулы стари бумажкы, пятырублёвки, десятки и прости срибни карбованци.

— А що, багато?—пидбигъ Грышка.

— Есть. Ты-жъ позакыдай ци пляшкы, або я й самъ це зроблю... Закынь и ковбасу, а то собаки набизять и ще розбудять... Ну, гайда! У вечери прыходь до Эстеркы—тамъ пятёрку получышь... А теперъ пидожды трохы, не йды за мною.

— Андрій Панасовычъ!...—несмиливо й ніяково посмихаючысь, промовивъ Грышка, йдучы за Андріємъ—якъ-бы заразъ... Сёгодня-жъ неділя...

— Н-ну!!—грязно крыкнувъ Андрій и зупынивъ сиреньки, гостри свои очи на Грышци,—сказавъ у вечери... Чого-жъ ще!

Грышка здвигнувъ плечыма, зигнувся, пидождавъ трохы, подывився на Тараса, усмихнувся й тыхо пишовъ за Андріємъ...

А черезъ годину отовплений велькою валкою людей, розхристаный, блидый, зъ сыними губамы, Тарась зъ дыкымъ одчаемъ и слёзамы въ очахъ розказувавъ все урядныкови, котрый поважно й суворо слухавъ ёго.

— Це Голубъ! Це ниhto, якъ Андрій! Гайда вси до ёго!—заревлы де-котри зъ купы.—Ходимъ до ёго, однимемъ! Це-жъ розбій!

И вся валка, зъ поважнымъ урядныкомъ и зигнутымъ, блидымъ Тарасомъ попереду, гучно посунула по головній улыци.

III.

— Куды, Ильку?... Драстуй! Ишь! надивъ нового пиджака та й не пизнае вже...

Илько повернувся,—коло тыну, трохы перехылывшись на улыцю, стояла Мотря й граючы очыма ласкаво всмихалася.

— Не бачывъ,—пидходячы до неи, усмихнувся й Илько.—Драстуй.

— А може ще й доси сердышся?

— За що?

— А за те, що... тоди...

— Ну, оть!—зновъ усмихнувся Илько, нахлыльшы голову й розглядаючи чобить,—хыба-жъ це первына?

— Ни, а справди не сердышся? Га?—заглядаючи въ вичи и якось тепло-ласкаво дывлячысь на ёго, спытала Мотря.

— Та й чудна!—пиднявъ голову Илько,—говорю ни, то й ни... Чого це ты такъ убралась: кохточка, нова спидныця... ху, ты!

— А тебе ждала, ха—ха—ха! Ни, ий-Богу, думала тебе побачить... Та чого стоишъ тамъ, перелазь,—та гайда въ садокъ.

— Ни, треба йты на ярмарокъ. Андрій дожыдае.

— Хыба й ты зъ нымъ на «роботу»?

— А то-жъ!

— И пидешъ такы?

— Та пиду-жъ.

— А може не пидешъ... Га? А я бъ тоби щось сказала, розказа-а-ала. Га?

— Ни, ни... Андрій сердытся буде. Пропаде «робота». Мени, положымъ, вона не до души, але... обичавъ. Прощай!

— Та пидожды!—схопыла ёго за рукавъ Мотря.—Самъ каже, що не до души и йде... Андрій соби знайде, а ты посыдь зо мною. Батька нема, на быржи. А Андрій знайде...

— Та хто ёго зна...—почухався Илько.

— Та перелазь, перелазь! А я щось розкажу хороше-хоро-оше. Ты, ий-Богу, Ильку, чудный: самому не до души, а йдешъ. Тебе разъ-у-разъ уговорить можна, не можешъ ты по своєму зробить. А Андрій то—чортъ! А я бъ щось розказала... Перелазь! Я ий-Богу, скучыла за тобою... А цикаве-бъ розказала... Отъ побачышь!

Илько подывывся на Мотрю; дивно хороша вона була, хороша, якъ радисть, якъ молоде, тепле чуття, хороша якъ мрія бажанна. Глянувъ Илько у великїи очи, зустрився зъ глыбокымъ поглядомъ, котрый обичавъ щось, про щось говорывъ, чогось про-

хавъ,—зитхнувъ, почухався, ще разъ глянувъ на ласкаву иі усмишку и... поставывъ ногу на тынь.

— А справди-жъ щось скажешъ цикаве?—спыняючысь, спытавъ винъ.

— Ій-Богу, ій-Богу розкажу!... Отъ такы-жъ пиде за мною!—додала вона въ думци.

— Ну, якъ такъ...—не договорывъ Илько и ставъ перелазыть черезъ тынь зъ такимъ выдомъ, наче-бъ хотивъ сказаты: «Отъ-же лизу черезъ те тилькы, що треба послухаты щось цикаве, а инакше ни за що въ свити не полизъ-бы!»

Винъ перелизъ, стрыбнувъ и, щобъ не впасты, ухопывся за Мотрю й, обнявши иі, прыгорнувъ до себе.

— Гайда на прызбу!—прытуляючысь до ёго и одхыляючы виты вышенъ, промовыла вона й тыхо пишла впередъ.

— Ну, що-жъ тамъ цикаве?

— А тобі дуже хочется знать?

— Якъ... якъ оне заразъ поцилувать тебе!

— Ну? скажи який! Ха-ха-ха!

— Та говоры!

— Ну, слухай,—не повертаючысь до ёго и нахыляючысь одъ витей, тыхо вымовыла вона,—выходю замижъ за... Андрія.

— Та ну?!—спынывшысь, скрыкнувъ Илько,—брешешъ!

— Ій-Богу, правда!—повернулась Мотря и пыльно глянула на Илька, що нибы ажъ зблидъ трохы.

— И такы не брешешъ?—крово всмихнувся винъ.

— Въ четверъ и рушныкы подамъ.

— Онъ якъ...—тыхо промовывъ винъ и мовчкы пишовъ до прызбы.

— Правда цикаве?—сміючысь, спытала Мотря, сидаючы биля ёго.

Илько ничого не отказавъ и мовчкы замыслено ставъ дывытысь кудысь черезъ тынь. На серци щось страшенно болило й нудно-нудно стало.

— Такъ онъ-якъ!—дывлячысь на ней, зновъ крово усмихнувся винъ и зновъ одвернувся.

— А такъ...—тежъ криво всмихаючысь, прошепотила Мотря й зупычыла свій поглядъ на ёму.

«Такъ онъ-що, замижъ за Андрія!—крутылось зъ сымъ тяжкымъ щемлиннямъ у Илька.—Це, значить, прощайсь вже зъ нею, прощайсь зъ тыми тихыми, любымы вечорами, зъ тыми мылыми розмовамы, прощайсь зъ ридною, единою людыною, зъ цымъ стрункымъ, гнучкымъ станомъ, палкымы губама, глыбокымы очыма, зъ цымы гарнымы дорогымы, чудовымы очама»... Си думы не мыслывъ винъ, не высловлювавъ, не складавъ ихъ,—метнулысь вони въ ёго зъ сымъ щемлиннямъ, съ сымъ якимъсь чудно-тяжкымъ чуттямъ. Винъ зновъ глянувъ на неи, прыдывився й почувъ, яки стали далеки и дороги, люби, хороши си таки знаёми ёму бровы, губы палки, очи чудови.

А Мотря все дывылась на ёго и тежъ прислухалась, якъ щось давило-щемило на серци. И хотилось їй, дуже хотилось, обнять ёго, прыгорнуться, замерты коло дужой руки ёго, заглянуты въ вичи й дывыться-дывыться на чудову красу ёго, на чорніи бровы, у каріи очи. И почувала вона, якъ боляче холонуло у неи у грудяхъ зъ самой думкы, що не прыйдется їй бильшь цилувать ёго, цилувать найлюбійше мисце, що одтинялось чорнымъ вусомъ; не прыйдется бильшь дратувать-розпалять палкымъ поцилункомъ и любоваты, якъ зачервоніється злегка лице ёго, якъ краса ёго ще выразнищъ, ще дужче стане передъ нею й захвылюе, захопытъ и їи...

— А ты не выходи замижъ,—тихо промовывъ Илько, колупаючы палычкою стежку, що йшла по-надъ прызьбою. Мотря одвела свій поглядъ, зитхнула й хоча чула ёго слова, але, не встыгшы вызволытысь видъ виплыву своихъ думокъ, перепытала:

— Що ты сказавъ?

— Я кажу, щобъ ты не выходыла зовсимъ замижъ.

— Не выходыть зовсимъ?—сумно усмихнулась вона.—Не можу Ильку, їй-Богу, не можу. Дытына росте, треба батька... Та й самій... Ну, хіба-жъ се добре, що я бигаю до тебе, що винъ мене бѣ разъ-у-разъ... Ни, ришыла, такъ и буде. А тоби-жъ хіба що?

— Та такъ...—нахылывся зновъ Илько—якось... Чортъ ёго зна... думаю про це... и якось, знаешъ, скучно... Буде скучно безъ тебе.

— Та и мени, ось дывлюсь на тебе, тежъ якось скучно...

Замовкы зновъ. Тыхо було въ садку. Сонце ледве пробывалось кризь лыстя и грало на коліни въ Илька; цвиринькалы й былысь горобци на вышняхъ, та за тыномъ по улыци йшлы люди до церкви.

— А за мене пишла-бъ?—ніяково всмихаючысь и старанно перепыняючы червоненькій козявци дорогу, тыхо спытавъ Илько.

— За тебе?—наче сподиваючысь сёго питання й дывлячысь на козявку, котра зашамоталась и полизла вливо, перепытала Мотря.—За тебе? А Андрій же якъ?

— А Андрієви можна дать одъ кошъ.

— Та буде такъ, якъ учора?

— Ну!—пиднявъ голову Илько и махнувъ палычкою. Козявка покрутила вусыкамы, повернула въ бикъ, перелизла стежку и сховалася въ траву.

— Ну, що-жъ «ну!»—усмихнулась Мотря, переводячы очи зъ козявки на Илька.

— А то «ну», що теперъ не дамъ быть тебе... Вчора то винъ мавъ право, а теперъ бы... вже... Та побачыла-бъ!

— Эхъ. Ильку, Ильку,—захытала головою Мотря,—бачыла я вже вчора... Пидожды, не перебувай. Я вчора умысне прыбигла до тебе, хотилось ще разъ спробуваты тебе и що-жъ побачыла? Ты не змигъ пыты проты Андрія.

— Та то-жъ, кажу, вчора, а теперъ хай-бы посунувся!

— Эхъ, не задавайся, Ильку! побачышь Андрія и прысидешъ зновъ. Ты, знаешъ, такой: ты тилькы не сердься; я шилу ничъ думала про це и ришыла сказать усю правду. Якъ-бы не побачыла оце тебе, побигла-бъ до тебе... Ты, бачъ, такой: якъ зо мною говоришь, ты мене слухаешъ, зъ кымъ другимъ—того слухаешъ. Якъ-то кажутъ: «куды витерь віе, туды я хылюся»... Ты-жъ не сердься!... Ось теперъ Андрієви обещавъ помогты, а зо мною сыдышь, бо я уговорила. Такъ и тоди буде, якъ выйду

за тебе: поky будешъ зо мною, будешъ мій, а выйшовъ зъ дому—и вже чыйсь. А Андрій вже не те. Андрій той ще самъ, кого хочешъ, подужае... Та й то взять: ну, отъ ты сыдышь передо мною, я люблю зъ тебе и якъ «оченашь» знаю тебе. А Андрія то вже й самъ чортъ не визнае,—сёгодня винъ такый, завтра такый, тоди онъ-який... Проты ёго я прямо не можу йти. Ну, вийшла-бъ я за тебе, пожыла-бъ и заскучала. А Андрій—то и розскаже, и побье, и насмишеть, и налякае, и розсердыть.

Илько мовчавъ и пысавъ палычкою по запырошеному чоботи.

— Ты й добрищый за Андрія. Ты отъ чы «заробышь» де, чы якъ тамъ, заразы роздасы, прогуляешъ... Хиба ты матынешъ колы що? Ни. Ну, я выйду за тебе, чы ты-жъ кынешъ гулять, будешъ годувать мене? Хиба-жъ ты зможешъ? Правда-жъ ни?

Илько тилькы колупнувъ палычкою.

— Отъ, бачъ, мовчышь. А Андрій той и теперь грошы мае, за тымъ я не пропаду. Та й Ивасько... Хиба ты ёго любыты-мешъ, такъ якъ Андрій,—не твій сынъ...

Илько мовчавъ. Замокля и Мотря, тилькы горобци наче ще голоснище цвирынъкалы мижъ лыстами.

— Колы-жъ якъ подумаю,—тыхо зновъ почала Мотря,—що прыйдется не бачытся зъ тобою, сумно стае. Привыкла до тебе, чы-що? Тры roky... Та й до Андрія привыкла... Це вже, значыть, годи,—не прыйду я вже до тебе, не буду любоваты зъ тебе...

Илько пиднявъ голову, хотивъ щось сказать и... зновъ похылывсь.

— Страшно жалко...—наче думала въ голосъ Мотря.—Подумаю кынуть Андрія—я вже думала багато вчора—такъ якось совсимъ и жыть не хочется... И тебе жалко... Якъ-бы можна за двоухъ выйты!—засміялась вона и заразы-же сумно замыслылась.

— А ты ще подумай,—проговоривъ тыхо Илько и тыхо глянувъ на неи.

— Я сама такъ думаю.

— А колы скажешъ?

— Колы?... колы?... Йй-Богу, не знаю. Андрієви обещалась въ четверть... скажу тобі въ середу... Добре? Ты-жъ не сердышься на мене? Га?—ласкаво заглянула вона въ вичи й прихылылась до ёго.

— Чого-жъ сердыться?—усмихнувся Илько и тихо обнявъ її, прытулывши щильно-щильно, до болю, до себе.

— Не тулы такъ...—прошептала Мотря, зчервонившы трохи.

— Чого?—нахылився винъ до неї,—може-жъ бильше не прыйдется... Здається, задавивъ-бы тебе!...

Мотря зитхнула, одкинула голову, подумала и, палко обнявши, стала цилувать въ губы, въ очи, щоку, найлюбііше мисце надъ чорнымъ, мякымъ вусомъ.

— Не пидеешь за Андрія?—не пидеешь?—шепотивъ Илько.

— Не знаю, не знаю! Я не знаю, за кого я пиду. Обними, обними мене!... Прощай, мій хороший, мій гарный... Обними...

IV.

Гучно було въ пивній у Мошка, якъ увійшовъ туды Илько. Доли валялись лущайки зъ огиркивъ, кисточки зъ рыбы, стоялы калюжы пыва; кругъ столивъ сидылы пьяни, спитнили, червонилыця: смердило потомъ, чобитымы, махоркою.

... А! Илько!—почулось зъ-за одного столу, занятого якымысь парубками въ пиджакахъ и червоныхъ сорочкахъ.—Иды до насъ!

Илько обдывывсь навкругы й сивъ коло якогось дядька, що вже бувъ пьяный и щось спивавъ разомъ зъ другимъ дядькомъ; той сидивъ проты ёго и що-хвылыцы перепынявъ писню гыкавою. Мижъ нымы сидыла якась жинка, твереза, гарно одягнена й сумно, безнадійно поглядала на дядькивъ.

— Мошку!—гукнувъ Илько.

Видъ стойкы одскачывъ жваый, маленький жыдокъ и шлепаючи калошами, пидбигъ до столу.

— Доброго здоровья...

Илько выпывъ. Семень поставивъ свою склянку, взявъ Илька за руку, довго дывывся ёму въ вичп, обнявъ, поцилувавъ и разъ-же выпывъ свое пиво.

— Бо... люблю! — повернувся винъ до жинкы,—и не мпшайсь... Уторгувавъ, продавъ волы и буду гулять... Такъ, господинъ?

— Такъ, такъ!—усмихнувся Илько.—А за багато продамы?

— За сто та ще й двадцать!... О!...—вынявъ винъ червону хустку, помахавъ якимся вузломъ на ній и ставъ пыльно запыхать зновъ у кышеню зъ того боку, де сидивъ Илько. Илько прыдывывсь, одвернувся и почавъ покволоомъ пыть пиво. Черезъ десять хвылынъ воны булы вже щырымы прыятелямы, обнимались, выпывалы, цилувалысь и сміялысь зъ благання жинкы.

Мошку, пыва!—гукнувъ Илько.

Мошку!... жыде!... пыва!!--стукнувъ кулакомъ Семень и полизъ въ кышеню за хусткою.

— Та не треба, не треба!—затурбовався Илько,—я самъ заплачу, я самъ... Нехай..., нехай...

— Ни!... Ого! Семень Торба не може пыва купыть... Фю-фю! Ого!... Де-жъ це грошы?... Ого! Я не можу... Де-жъ це?...

— Та ты-жъ у ту кышеню поклавъ,—промовыла жинка. Семень ставъ шукать и въ другій кышени, але й тамъ не було ничего.

— Чы не выпалы?—поблидны, встала жинка и почала дывыться пидъ стиль, пидъ лавы. Вставъ и Семень, мацаючи по кышеняхъ, вставъ и Илько, зазыраючи тежъ и пидъ стиль и пидъ лаву; сидивъ тилькы кумъ, навить кризь сонъ погыкуючы.

— Нема! Ой, Господы!—скрыкнула жинка.

Де-хто повернувся, коло сусидъ замовкло, пидбигъ Мошко.

— Та я-жъ у цю кышеню поклавъ,—розумнице трохи промовывъ Семень и глянувъ на Илька, котрый пыльно заглядавъ пидъ стиль, пиддимавъ пляшкы на столи и озыравсь навкругы.

— Це-жъ оцей вытягнувъ у ёго!—обмацавши, обшукавшы всёго Семена, крикнула жинка й показала на Илька. Илько блыснувъ очыма, вставъ и взявъ зъ столу картузь.

— Ни, господинъ, подождить трохи,—схопывъ ёго за руку Семень, —я той...

— Иды пидъ тры чорты, мурло! Не бачывъ я твоихъ грошей.

Въ пывнѣй зтыхло и коло Семена поставало вже де-килька дядькивъ.

— Люде добри! - скрыкнула жинка,—вы-жъ бачылы, що вони пылы вдвохъ. Тамъ же вси грошы... Теперь и за пиво нема чымъ росчитаться.

— Вы, Илько, послушайте,—затурбовався Мошко,—може, ежели вы взяли.. Минѣ какое дѣло, нехай минѣ за пиво... Я въ палиція...

— Та якого вамъ чорта!—повертаючысь иты, крикнувъ Илько.—Не бачывъ я ніякихъ грошей! У ёго ихъ и не було.

— Брешешъ, собачый сыну, брешешъ! Булы! Ты самъ бачывъ ихъ, пей ёлопъ тоби жъ и показувавъ!—закрычала жинка.

— Оддай грошы!—тыхо, але выразно промовывъ Семень.

Илько здвигнувъ плечыма, всмихнувся, глянувъ на дядькивъ, котри мовчки и суворо дывылысь на се, и повернувся.

— Нѣтъ, позвольте,—выкрикнувъ Мошко и ухватывсь за Илька,—такъ нидзя.. Дай минѣ за пиво... Хае бѣгай за палицейськымъ!

— Оддай грошы!—зробившы килька ступнивъ до Илька прошидывъ Семень и сципывъ зубы.

— А вже-жъ оддай... Що жъ це!—почулось мижъ дядьками. Илько сипнувъ руку, крутнувъ Мошкомъ й ступивъ до дверей.

— Оддай грошы!!—заревивъ Семень и кынувся на Илька зъ ниднятымъ кулакомъ. Илько повернувся, одхыливсь, якъ дыкый звирь наскочивъ на Семена й повалывъ ёго на стиль, зъ страшною сылою опускаючы кулаки на голову, живить, груди. Жинка крыкнула й кынулась до нихъ, але заразы же одлетела и впала пидъ стиль, облываючысь кровю; посунулысь, було, де-хто зъ гурту, але тежъ де-яки полетили на лавы, а де-яки сами поховалысь одъ страху, глянувши тильки на червоного, страшного, зъ пиною на губахъ, Илька.

— Повбываю!!—хрыпло крикнувъ винъ, блыскаючи очыма й хапаючи рукою зъ стола пляшку. Але не встыгъ винъ й вымовить, якъ захытався, махнувъ рукою й гепнувъ до-долу лицемъ.

— Теперъ быйте ёго!! — крикнувъ Мошко, выскакуючы зъ-за Илька й держучы ёго за ноги. Зъ крыкомъ кинулысь усь на Илька насилы и... поднялысь разомъ зъ нымъ.

— Держите, держите! я одберу у ёго деньги!... вотъ, вотъ они!—выскакуючы зъ гурту, крикнувъ Мошко и помахавъ червоною хусткою. Жинка зъ обмазанымъ кровю лицемъ и сынѣй, побитый Семень заразъ же кинулысь до ёго. Илько скажено зарививъ, крутнувся, когось вкусьвъ, когось пацнувъ, рванувся й, тягнучы за собою всю валку, выскочывъ на улыцю.

V.

Сумно въ Сонгороди въ-осены. Нызьке темно-сире небо; не то ранокъ, не то вечиръ пилый день; пронызуватый, холодный витерь, купы пожовклого, мокрого лыстя и дощыкъ, дощыкъ и дощыкъ. Плачуть пидъ нымъ викна, плачуть стрихы, плачуть деревья, тыны, кони, плаче навить картузь звощыка, що, закутавшись, схылывся на передку. На улыцяхъ ни души, тилькы де-не-де перебижыть черезъ дорогу яка-небудь баба, пиднявши спидныцю на голову, просуне важкымъ ходомъ жывдывська балагура, та звощыкъ розибѣе блыскучу, сталѣву грязюку ривненькою стежкою. Сумно. А ще сумнище въ темный, довгий, холодный вечиръ. Витерь, наче скажется,—то стогне, то плаче, то регить пидниме, то стыха, поволи застукта по виконяцяхъ запертыхъ, то зновъ заскыглыть, завые, заплаче й сыпне, и сыпне дрибненькымъ дощемъ. Пусто страшенно, безлюдно, тилькы тополи неначе зъ докоромъ хятають чорными вершечкамы, мовъ дывуючысь, якъ такы можна вылазыть на улыцю въ такую неgodу.

Ледве блыщитъ лампочка въ камери «слѣдственныхъ» Сонгородського «арестнаго помѣщенія». Тхне потомъ, парашою, махоркою и кислую капустою. Посыхлявшысь надъ койкою, пры-

слухаючысь іноды до дверей, размовляючы по-шепкы, граюць вь карты рэштанты. Чуты: «краля зверху!», «симка хвалыть», «запышы хвалёну, «выно-kozyрь»; іноды по-шепкы, але выразно прокочуецца лайка.

По темных кутках спляць.

Щось тыхо застукало зь ульцы вь викно. Андрій вставь, положывь карты, прошепотивь «безь мене грайте» и пидійшовь до викна. Якась темна жиноча постатать, освичена свитломь одного зь двох на циле мисто лыхтаривь (другый билия полиції), стояла нахылывшы голову.

— Ты, Мотре? — одчыняючы злегка викно, прошепотивь Андрій.

Постать пидняла голову, трохы розмотала товсту хустку, й на Андрія глянулы велькы, глыбоки Мотрыни очи.

— Я. На...

Андрій простягнувь руку кривь кваткы и взявь невеличкый клуночок.

— Тамь десятокь пырижкивь и курка, — додала Мотря.

— Добре... чого вчора не прыйшла?

— Ты сердышся?

— Я пытаю, чого вчора не прыйшла, — сухо прошепотивь Андрій.

— Не можна було.

— Не брешы!

— Ну оть «не брешы»! Батька не було до пивночи, дытына сама, а я оце побигла бь до тебе.

— Де жь батько бувь?

— На «роботи».

— Де?

— Розбылы лавку старого Хаима. Знаешь?

— Знаю. Багато?

— Рубливь на пьядесять, казалы. Илько насылу внись лантухь.

— А! онь-що! Хм... — злистно всмихнувся Андрій. — Тамь булы Илья Ивановыч! Ну, теперь я знаю...

Мотря мовчки нахылдыла голову.

— Може не пускалы Илья Ивановичъ? Воны жъ тежъ на лыниі соломяного жениха. Чы въ проходку зъ пымы ходылы? Га?.. Чого жъ мовчышь, суко!—гризно прошепотивъ Андрій,—похвалысь же!

Мотря мовчала.

— Говоры жъ!.. Може вже рушныкы подавала?

— Ну, отъ-ще!—пидняла голову Мотря и зновъ нахылдылась.

— Гляды, гадыно!—сципывъ зубы Андрій,—обманула, обещалась сказать правду, тягнешъ и доси... гляды, тилькы подумаешъ выйти за Илька, убью. Чуешъ? убью першой жъ ночи! Я николаы на витерь не говорю. Не дуры!

Витерь, що затыхъ на хвылыну, мовъ прислухавшысь, засвыстивъ, загудивъ, засыпавъ густымъ дощемъ и трохи не попхнувъ Мотри.

— Не змерзла?—помочавшы, буркнувъ Андрей.

— Ни.

— Що? Та пидними голову, чого нахылдылась?

— Не змерзла,—промовыла Мотря й несмило подывылась ёму въ вичи. Замовклы. Чуть було ляпання заялозяныхъ карть, «выно свитыть» и дриботиння дощу по викни. Мотря куталась.

— Не бачыла Ныкодыма?

— Бачыла.

— Що, не говорывъ ничего?

— Про тебе?

-- Ну-да.

— Лается... На що ты ёго такъ?.. Бидуе страшно.

— А такъ паршывому й треба, хай не задається! Думае, якъ надзыратель, то й цяця велька!—зъ злистю прошепотивъ Андрій.

— Винъ каже, що зовсимъ и не хотивъ тебе лаять.

— Бреше гадъ! Ты знаешъ, якъ все це було?

— Та говорывъ винъ щось... Розскажы ты... Знаю, що черезъ тебе...

— От-то нехай не задається и знае, кого зачинае!

— Якъ же це вийшло?

— Такъ винъ каже, що й не лаявъ?

— И не думавъ, каже.

— Гм... Ишъ, мурло прокляте!

— А лаявъ?

— Та того мало, а ще захотивъ штовхатся. Я, бачъ, не давъ ёму разъ горилки, що ты мени передала. Такъ образылись... И отто разъ причепився до мене, щобъ у камору йшовъ. «Ще рано, кажу, не пиду!» «Ну, не розказувать!» Я й вылаявъ ёго... Винъ зо всієї сылы трахъ! у груди мене... Хотивъ я ёго задупыть тамъ же, та здержався, тильки сказавъ: «гляды, Ныкодыме, це даромъ не мынется тобі. Знай, кого быть!» «Плювать, каже, я на тебе хотивъ и хочу. Страшный вовкъ у лиси, а въ тенетахъ - тьху!» Ну, добре, нехай такъ, — побачымо. Пройшло, мабуть, зъ тыждень. Я зъ нымъ наче помырывсь, выпывавъ поприятельськы, однимъ словомъ... ну, помырылись, наче того й не було. А от-то въ той понедилокъ кажу ёму: «попросы смотрителя, щобъ пустывъ мене зъ тобою въ цылюрню,—мене тутъ пускають,—поставлю, кажу, пивкварти». Попросывъ винъ: пишли. Прыйшли до Васькы—знаешъ? Я тому заразъ моргъ! Той туды, сюды, и покы мене пострыглы, Ныкодымъ уже бувъ пьяный, якъ свыня... Тильки й розуму, що дывытся... Кынувъ я ёго, прыйшовъ до смотрителя та й кажу: «Такъ и такъ, ваше благородіе, надзыратель Ныкодымъ, который мне водилъ у цылюрню, напился пьяный и не спольняетъ своей службы. Я могъ бы утикты»... Той, звисно, перелякався, дякуе мени та заразъ за Ныкодымомъ—и прогнавъ... Не задавайся и знай, зъ кымъ дило маешъ!

— И ты не втикъ?—похопылась Мотря,—отъ-то! чого жъ ты?

— Тикать не треба.

— Якъ?

— А такъ: якъ бы я втикъ, ёго не выгнали бъ зъ службы, бо винъ сказавъ бы, що я чы побигъ, чы якъ-небудь... А такъ—я самъ прыйшовъ безъ ёго, тутъ уже оправдання нема... Нехай теперъ безъ заробитку поскаче...

— Диты жъ маленькы у ёго... жинка...

— А друге те, що мени нема для чого й тикать: все одно оправдають. Це, що я не втикъ, буде ще одне доказательство, що я не выненъ. Абы то я выманывъ грошы у того мужыка, абы я, значыть, бувъ выненъ, дакъ хйба бъ я не втикъ, колы такый случай пидійшовъ? Га?

— Ну-да, але-жъ...

— «Але-жъ!»—перебывъ Андрій.—У суди, абы щось представивъ такого, якъ се, то й оправдають.

— А якъ засудять?

— Пловать я на ихъ хочу! Хто докаже, що то я бувъ? Мало, що такый и такый! Ты прямо докажи, що бачывъ, якъ я бувъ зъ нымъ и грошы бравъ. А може хто схожий зо мною?.. А ще жъ ты будешъ говорить, що я у тебе бувъ тоди та й герехть.

— А якъ Илько покаже, що тебе не було... Винъ теперь ненавыдыть тебе, то може...

— Хм... якъ зробився женихомъ, такъ и ненавыдыть ставъ,—саркастычно всмихнувся Андрій.—Ну, такъ я жъ ёго не боюсь.

— Якъ? А якъ винъ скаже, що винъ бувъ у мене весь часъ и не бачывъ тебе.. А ёго у мене бачыла Хведора,—нахылившы голлову, тыхище додала Мотря.

— Хм... мылувались... И все такы пловать! Абы ты показала. А хйба я повиненъ предъ нымъ сидить? Скажешъ, що пьяный спавъ цилый день у повитци. Отъ и все... Та ёго й пытать не будутъ, а самъ напроситься—побойться мене... Винъ тоди саме, якъ мое дило буде розбираться, буде сидить тутъ. Перекажешъ ёму, що черезъ тыждень винъ уже буде тутъ. Той подавъ на ёго... буде одвичать за «буйство и покушеніе на грабижъ». Смотритель казавъ...

— Черезъ тыждень?—перепытала Мотря.

— А що, тоби жаль? Такъ чого жъ—просю-жъ тебе—украдь хочъ у ціей Хведоры курку, піймайся нарочыто, полайся—и посадять... И не будешъ розлучаться зъ нымъ.. А то жъ жаль!..

Мотря промовчала.

— ... Та що похылилась?... Говори жъ щось, якого жъ чорта прийшла!

— Скучыла!—пиднявши голову, привитно дывлячысь на ёго, прошопотила Мотря.

— И за Илькомъ скучышь?

Мотря почала кутаться.

— А ще довго до суда тобі?

— Та ты зубы не заговорюй,—мымо воли всмихнувся Андрій,—а говори те, що пытають.

— Та я не чула зовсиль, що ты говорывъ.

— Эхъ! не чула...

— Холодно, Андрію, уся змокла... Я вже пиду...

— Убирайся къ чорту, чого жъ стояшь!

— Ну, то я зостанусь,—ты сердышся...

— Иды, йды...

— Ни, ты сердышся... Скажи, що не сердышся...

— Та йды, простудышся. Прощай.

— Прощай. А завтра прийты?

— Якъ хочешъ,—зачыняючы викно, сухо видповивъ Андрій и, наче зачепышысь, возывсь коло защипкы.

— Я прийду.

— Прыходь,—байдуже муркнувъ винъ и защипнувъ викно. Мотря ще трохи постояла, подывылась на викно, зитхнула и, щильнице закутавышысь, тихо пишла въ темный, глухий переулокъ.

И дійсно, черезъ тыждень Илько вже сыдивъ въ камери «срочныхъ» мижъ штундарямы, посадовленымы за збиркы, дрибнымы злодіямы и «буянамы». Заразъ же винъ звеливъ всимъ подилыться гришмы, побывъ одного, що хотивъ зъ нымъ змагаться, посыдивъ тры дни въ карцери, але вернувышысь, повытягавъ у ночи гаманци у багатыхъ, подилывъ ривно на всихъ и напоивъ усю камеру квартою «монополькы», яку невидомо де роздобувъ. Дозорци, та й самъ смотрытель навить, наче ничего не бачылы, не бажаючы черезъ якый часъ маты соби страшного врага на воли.

А ще черезъ тыждень вводиылы въ ворота Мотрю, закутану, зъ дытыною на рукахъ, трохи блиду, але черезъ се ще кращу. Въ той саме часъ Андрій сидивъ на прызьби. Побачывшы їн, винъ спершу зблидъ, потимъ почервонивъ, зновъ зблидъ и, не миняючи позы зъ ненавистю буркнувъ, якъ вона поривнялася зъ нимъ, весело посмихаючысь до ёго:

— У! паскудо!.. мовчала! Прыбигла такы за Илькомъ!!

— Ба за тобою!—радисно дывлячысь на ёго й, наче чекаючи сёго питання, жваво видповіла Мотря. Але Андрій вылаявся, сципивъ зубы, одвернувшись, пишовъ у камеру й пять день не показувавсь. А якъ и выходивъ на хвылыну—до Мотри не заговорювавъ; колы вона вынувато благаючи ёго зачинала, винъ тилькы лаявся зневажливо й наче не добававъ їн. Мотря зблидла, схудла, благала ёго черезъ стороживъ, простоювала цылымы вечорами пидъ викномъ ёго камеры, а зъ Илькомъ и не говорила, навить разъ вырвалася и плюнула, якъ той хотивъ обнять їн. Андрій змылувавсь—и звеселила Мотря: заспывала, засміялась, обцилувала Иваська и на другый день вже жартувала и сміялась до Илька. Зновъ зминувсь Андрій, але вже не ховавсь въ камери, не тикавъ одъ розмовъ зъ Мотрею, тилькы говоривъ зъ нею такъ холодно, такъ якось по чужому, дывивсь на неи такъ чудно, що Мотри зъ нимъ було и важко, й ніяково, а на самоти якось пусто, нудно и сумно, до смерты сумно. Зновъ почалысь благання, зновъ Илько остогыдъ, зновъ осмихнувшись «по ридному» Андрій—и зновъ звеселила Мотря, тилькы вже пры Андрієви розмовляла зъ Илькомъ безъ смиху, безъ жартивъ,—безъ Андрія жъ пыльнувала, щобъ все зналы тилькы вона та Илько. Илько жъ хоча и всмихавсь до Андрія и самъ заговорювавъ до ёго,—пры Мотри махавъ кулаками и... щиро задавався.

Выдався теплый, ясный день, одынъ зъ тыхъ днівъ, колы лито наче вырывается зъ мокрыхъ, холодныхъ обіймивъ осени, спишыть попрощаться зъ людмы, всмихнуться тепло—ласкаво въ-останне й покорыться доли. Сонце грило—пекло, грало въ калюжахъ, що займалы трохи не пивъ двора, жваво цвиринькалы горобци, трипалысь куры, лазыла по двори свиня зъ пороса-

тамы, тилькы деревья оголени якось сумно высталялы зь саду голи свои виты та тужливо хыталы вершечкамы. Зь камеръ повысыпáлы рештанты, порозсидалысь биля дверей, повыносылы койкы зь тоненькымы синныкамы, порозвишувалы мокри спидныци, сорочки, онучи; де-хто зтыха заводывъ писни, де-хто бо-рюкався, а де-хто прямо сидывъ, грився и смаковито хмурывся на сонце. Навить Степанъ, старшый дозорець,—«соціялысть», якъ звавъ товаришъ ёго Гаврыло за те, що той не постывъ у Петривку, йивъ въ недилю до звону, не хотивъ чытать а-ни буквы зь Библии и не любывъ багато балакать,—навить Степанъ вылизъ зь темной сторожки, сивъ на корыдори, надывъ окуляры и ставъ чытать «Путешествіе по рѣкѣ Оранжевой и ея притокамъ», що вже рокивъ зо тры, якъ винъ ёго почавъ чытать. Биля тыну, проты сонця, на койци сидывъ старшый Демьянъ, ватажокъ штундаривъ, зь симпатичнымъ лицемъ и добрымы очыма, дидочокъ. Поручъ сидили «братья» ёго, се-бѣ то одной зь нымъ виры дядькы,—одынъ рудый, бородатый, огрядный; другый носатый, чорный и худый. Проты ихъ, на другый койци, сидывъ Гаврыло, «челакъ зь понятіемъ»—высокий, худый и тонкий, схожий, якъ самъ про себе не безъ зь гордощивъ казавъ, на святого Антонія, чудотворця Печерського. Гаврыло не пропускавъ ни одной церковной службы, харчувався самою цыбулею й житнымъ хлибомъ и въ розмови закидавъ «по вченому». Биля Гаврыла, примостывшысь на цеглынахъ, пысавъ на койци лыста худенькый чоловікъ, старанно выводячы буквы, поводячы за рукою кинчыкомъ высу-нутого языка, и черезъ кожни тры хвылыны повертаючысь до Гаврыла за порадою. Дали, ступнивъ на тры, на голобляхъ тачкы сидила Мотря, а на самій тачци, пацаючы ногамы и вставляючы иноди й свое до балачкы, прыбранный и веселый Илько.

Зайшла религійна суперечка. Демьянъ говорывъ спокійно, на-вить весело, Гаврыло пронычно всмихався, худый де-колы дода-вавъ свого острого и «зъ перцемъ» слова; рудый, добродушно ростягнувши рота въ усмишку, однаково пыльно слухавъ и Демьяна й Гаврыла и однаково, якъ выдно було, не разумивъ ни того, ни другого, але самый процессъ суперечкы, очевыдячкы, ёму стра-

шенно подобався. Середь двору, махаючи шапкою, посвыстуючы, ганявъ смотрительскихъ голубивъ Андрій, похмуро часамы поглядаячы на Илька й Мотрю.

— Ха-ха-ха! — зареготовався Гаврыло, одкынувшись назадъ. — Такъ по вашему выходить, що церкви не нада?! Ето—фактъ!.. Ха-ха-ха! Ну, а де-жъ, примѣромъ сказать, должны нахадиться усякыи богослужебныи вещи, ну сказать, чы чаши усякыи, чы... ну хоча бъ и чаша? Де по вашему?

— Будли-де, — усмихнувся Демьянъ, — можна и въ скриню покласты.

— Ето, значить, тамъ, де штаны, сорочки. Ха-ха-ха! Тамъ и воши, и блохи...

— Воши тежъ одъ Бога.

— Ну!..

— Хоча чаши передъ службою мыються передъ всима, такъ, щобъ вси бачылы. А що роблять ваши попы, вы не знаете. Отъ-що!

— Кто жъ то мые? Пипъ вашъ?

— У насъ попивъ нема, а мые той, хто у той разъ службу служыть.

— Ну, такъ! Пидождить, — ухопився Гаврыло, — вы говорите, що «той, хто службу служыть». А винъ же мае право?

— Мае.

— Кто жъ ёму ёго давъ?

— Мы.

— Ето фактъ! А вы жъ маєте право давать право?

— Таке жъ саме, якъ вашъ архыерей, або синодъ.

— Ха-ха-ха! Иванъ, Степанъ, Денысь—синодъ! Ха-ха-ха! Славная препорція!..

— Отъ, Гаврыло Петровычъ, — перебувъ чоловичокъ, протягуючы лыста, — чы такъ? Бо той...

Гаврыло поважно взявъ и ставъ чытать:

— «Писмо пущено Мною Маркомъ Гаврыловичомъ къ жини Свойй Параскы Мыхайловни прошу тебе». Ну, ето я вже чытавъ... «що Марко будь тобы Масло»...ето вже... Ага, отцедя: «Я

Марко Гаврыловичъ Прощу вашей мылосты вы выказуете шо я вамъ масло прынісь а я никакого масла ны выдиль и ны знаю и ны бачывъ и ны чувъ А вы якъ находыте на сибѣ прытенцію то дасте 5 рублей и будете одвичать сыльно строго якъ ны бачылы острога то побачыте»...

— А я такъ говорю,—почавъ тыхо Демьянъ, якъ чоловічокъ зновъ высунувъ языка, нахыливъ голову на бикъ и ставъ выводить буквы,—бидному чоловікови й копійка багато значыть. Вы визьмить те: чы въ тебе родытсѣ, чы помре, чы свято яке, чы штось такое,—уже платы! Платы попови, бо—грихъ.

— А въ Пысаніи що сказано?—поважно и навить строго перебывъ Гаврыло:—«шедше убо научать уси языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь».—Га? То какой фактъ? То, значыть, що самъ Исусъ Хрыстось постановывъ, щобъ булы священныкы. А вы жъ тилькы Евангеллю вирыте,—це жъ по Евангеллю...

— Та не сказано, щобъ за те воны и зъ живого и зъ мертвого шкуру дерлы,—вставывъ худый, не зводячы очей зъ Гаврыла. Рудый добродушно засміявся.

— Воны й не деруть, а берутъ те, що дають.

— Та вы Гаврыла хлибомъ не кормить, а попивъ не чипайте!—крыкнувъ, сміючысь Илько. Гаврыло хытнувъ головою и зневажливо, але такъ, щобъ не бачывъ и не чувъ Илько, скрывывшы губы, пробубонивъ:

— Дурный пишь, дурна ёго й молитва!

Помовчалы.

— Не даромъ кажутъ,—почавъ, зитхнувшы Демьянъ,—«чьи ворота мынешь, а поповыхъ не мынешь»... Деруть воны зъ вась, якъ сами хотять.

— А ну, Гаврыло Петровичъ, прочытайте дали,—протягнувъ зновъ лыста чоловічокъ. Гаврыло хотивъ щось сказать Демьянови, але тилькы махнувъ рукою и взявъ лыста.

— ... и... то побачыте...—промыривъ винъ, шукаючы нового—Ага!.. «И прощу вашей мылосты ны радийте моему гору»... «Какъ господь дастъ мини благодать то якось воно буде. Мини

господь помочь нещасному то якось воно буде А Я Марко Гаврыловичъ и такъ никогда слёзы ны высыхаютъ у мене и прошу вашой мылосты ны оставте мой прозбы изъ тымъ досвсвидание остаюсь живъ толькы здоровья у мене плохо потому што досадую Ну все байдуже якось воно буде Писмо пысавъ Марко Гаврыловичъ. звините»...

— Воны усе, значить, мени масломъ дорикають,—пояснивъ чоловікъ,—а я того масла, такъ отъ не грихъ запрысягнутъся, и не бачывъ, яке воно на выдъ...

Андрій вылаявся на весь двиръ. Все повернулысь,—жовторябий, трубохвостый голубъ, не вважаючи на Андріивъ свистъ, ляскання въ долони, ніякъ нехотивъ, пидниматься вгору до гурту и все перелитавъ то зъ хлива на лёхъ, то зъ лёху на хливъ.

— Пидожды жъ!—злистно просычавъ Андрій, пидкрадаючысь до лёху, де сивъ жовторябий,—политаешъ у мене!

— Параска каже: «признайсь, тоби легше буде». А въ чому я буду признаваться? Я того масла...

— Отъ вы говорите,—перебивъ чоловіка Демьянъ,—грихъ оконы палыть... А я на се можу сказать...

Жовторябий, ничего не гадаючи повернувся хвостомъ до краю и ставъ чепуриться. Мотря й Илько пыльно спидкувалы за Андріємъ, котрый, то присидаючи, то ледве ступаючи, наблывався до лёху. Ось винъ уже била дверей, ось загляда на голуба, ось... пймавъ!

— Та не бый!!—крыкнула Мотря.

Андрій навить не пиднявъ головы и ставъ злорадно быть по ногахъ, по крылахъ, по голови переляканого жовторябого.

— Та пусты, не мучъ!—крыкнувъ Илько.

Намиряючысь вже пустыть, Андрій по сыхъ словахъ мовчки злистно плянувъ на Илька, усмихнувся й, схопывшы нижку жовторябого, кругнувъ. Почувся легенький хрускъ, голубъ несамовито забывся й затрипався,—Андрій зламавъ ёму нижку. Сей хрускъ, розкрытый вмыть ротъ жовторябого, безсыле ёго трипанця,—все се наче морозомъ пройняло Илькови тило.

— Пусты!!—равкнувъ винъ и кынувъ до Андрія. Мотря зблидла, схопылась и побигла до нихъ. Штунда и Гаврыло змовкли и, не знаючы въ чому ричъ, стали дывытысь въ ихъ бикъ.

— Пусты, не мучь!..—глухо прохрыпивъ червоный, зъ пиною на губахъ, важко дыхаючы, Илько.

— А тоби яке дило?!—блидый, ажъ жовтый, зъ синими губамы глянувъ на ёго ненавистно Андрій, не выпускаючы голуба.

— Та чого ты прысикався до ёго?—сухо промовила Мотря, — выпустыть!.. Який сердобольный!..

— А! такъ ты за Андрія!!—блыснувъ на неи очыма Илько и ступывъ до Андрія:—Пусты, говорю!

Андрій мовчки, дрижачою рукою ставъ щось шукать у кышени.

— Плювать мени на твѣй нижъ! Не пустышь?!!

Андрій важко дыхавъ, зъ прызырствомъ усмихався и мовчки копався въ кышени, не выпускаючы голуба.

— Такъ отъ же!!—розмахнувся Илько и, не сподиваючысь сёго, не вспившы прыгнутъся, Андрій спиткнувся, зачепывсь и впавъ, выпустывшы голуба.

— Ахъ, ты жъ!!—тильки скрыкнула Мотря и, якъ вовчыця, вѣилась зубамы Илькови въ руку; але заразъ же почувла, якъ щось важке ударило їи въ перенисса; въ голови страшенно зашумило, мгнувъ въ очахъ жовтый тынъ и, хытаючысь, вона впала до-долу.

— Стережысь, Илько!!!—вмыть пронеслось по двори зъ десятокъ несамовытыхъ, переляканыхъ голосивъ. Илько здригнувъсь, хотивъ повернутъся до Андрія и, крыкнувши якосъ «у-е!» скрывывсь, схылывсь и, скоцюбывшысь, упавъ рядомъ зъ Мотрею. Кровь выразною червоную стежкою поплылась зъ розпоротого живота, поплылась по колинахъ, по чоботяхъ, и стала всмоктуваться въ билий, сухой писокъ.

Пройшовъ рикъ. Илько хутко після того выдужавъ, одбувъ строкъ, вийшовъ зъ буцыгарни, ще гирше запывъ, загулявъ, пиймався на «роботи» й попавъ у губернію въ тюрьму, звидкиль вже не вертався. А Мотря зъ батькомъ, зъ сыномъ, зъ старою матирью Андрія, спровадшы свою й Андріеву хаты й грунтъ, заразъ же, якъ повезлы Андрія въ тюрьму, поїхала за нимъ, повинчалась, и вси вийихалы «на поселення», куды прьсудылы Андрія за «покушеніе на убійство».

РЛ 757 у
(1986)
104571 кон

БІБЛІОТЕКА
НАУКОВОГО ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКА.

Ч.

20048